

Александра Гикишасва

ВСЕМОГУЩАЯ

18+

Александра Никишаева

Всемогущая

<https://litres.ru/74486584>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мне нельзя убивать людей» — повторяю я как мантру.

Я — маг в изгнании. Меня сослали в серый мир, где нет магии, и моя сила медленно умирает вместе со мной. Я ненавижу этот мир. Я ненавижу свою квартиру. Я ненавижу соседа сверху, который каждую ночь стримит так громко, что я не могу уснуть.

Но в ту ночь я поднялась к нему.

Я хотела заставить его замолчать. Я не знала, чем обернется эта встреча.

История о том, как два одиноких человека нашли друг друга там, где не искали. И о том, что даже в самом сером мире можно найти цвет.

Обратное попаданство.

Ссылка в наказание.

Обаятельный герой.

Прогулки на закате.

Путешествия по миру.

Магия и телепорты.

Больше всего в мире она боится не смерти, а того, что ей придется его покинуть.

А он никогда не смотрит ни на кого, кроме неё.
Книга подходит под жанр "терапевтическое чтение".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	56
Глава 4	84
Глава 5	116
Глава 6	122
Глава 7	140
Глава 8	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Александра Никишаева

Всемогущая

Глава 1

Третий час ночи. Я лежу на спине и ненавижу весь мир. Просто смотрю в потолок, ощущая, как внутри разливается знакомая, липкая пустота. Спина будто вросла в этот выдавший виды диван; я чувствую себя частью старой пыльной мебели. Каждая секунда бессонницы тянется бесконечно, оставляя за собой только глухое бессилие.

А над головой — бум-бум-бум-бум. Басы продавливают бетонную плиту; перепонки вибрируют в такт чужому веселью. Этот звук не просто раздражает — он вбивает меня глубже в матрас. Сверху кто-то смеётся. Победно. По-хозяйски. Будто он один здесь живой, а все остальные — просто декорации, серые тени, лишённые права на тишину.

— Спасибо за дон, ребята! Вы лучшие!

Слова сливаются, но интонацию я узнаю сразу. Эта пьяная, легкомысленная радость человека, которому плевать, кто находится под ним. Человека, который дышит полной грудью, пока я пытаюсь вспомнить, как это — просто вдохнуть без кома в горле.

Он не знает, что такое головная боль, от которой хочет-

ся выть. Не знает, каково это — лежать в темноте и считать удары собственного сердца, потому что заснуть невозможно: слишком громко кричат мысли о том, кем я была и кем стала.

— Мне нельзя убивать людей, — шепчу я как мантру.

В этом звуке нет морали. Только глухая, изматывающая усталость того, кто слишком сильно хочет просто исчезнуть.

Шестая ночь. Шестая грёбаная ночь, когда какой-то клоун в домашних штанах решает, что весь дом обязан участвовать в его стриме. Сжимаю кулаки под одеялом; магия отзывается мгновенно — знакомая до оскотины дрожь в кончиках пальцев. Тёплая, пульсирующая. Она всегда там, на самом краю, ждёт одного желания.

Один звук — и не будет ни басов, ни смеха, ни этого дурацкого «спасибо за дон». Могу вырубить звук в его голове. Заставить уснуть стоя и видеть кошмары до самого утра. Превратить компьютер в грудку металлолома и с наслаждением смотреть, как он будет пытаться стримить с телефона. Я могу всё. Но не хочу.

Мой дар — не подарок. Это бомба замедленного действия, которая выжигает изнутри. Я просто смертельно устала быть той, кто всё чинит, исправляет и тянет на себе. Если сейчас щёлкну пальцами — что изменится? Тишина вернётся, но я всё равно не усну. Пустота внутри не лечится отсутствием шума за стеной.

Сажусь на диване. Свешиваю ноги; ступни ледяные, даже носки не надела, и этот холод кажется единственным чест-

ным ощущением за день. Потолок дрожит от басов. В груди разрастается такая тоска, что хочется сжаться в комок и просто перестать существовать. И дело не в магии. А в том, что меня никто не видит. Совсем. Я здесь как прозрачное стекло: сквозь меня смотрят, но не замечают.

Встаю. Натягиваю джинсы с пола — пыльные, заношенные, но сейчас плевать. Нахожу кеды на ощупь, не включая свет; смотреть на свою жизнь при электричестве слишком больно. Толстовка пахнет чужим порошком; эта мелочь вдруг бьёт наотмашь — даже запах на мне не мой. Всё здесь чужое. Каждый сантиметр города, каждый вдох воздуха кричит о том, что я здесь лишняя.

Выхожу в подъезд, шаркая кедами. Лампочка на лестнице моргает — то ли умирает, то ли издевается над моим состоянием. Пахнет прелым ковром и кислым борщом из тридцать второй квартиры — запахи обыденности, к которой я так и не приспособилась. Пол холодный; студёный воздух пробивает подошву, поднимаясь к коленям и вытесняя остатки тепла.

Поднимаюсь на один пролёт. Останавливаюсь перед дверью. На ней — жёлтая наклейка: «Осторожно, злая собака». Собаки нет. Проверяла в первую ночь: магия показала пустую квартиру и одинокого парня перед тремя мониторами. Ни собак, ни кошек, никого, кто бы его ждал или любил. Только он и его отражение в тёмном экране после завершения стрима. Тогда мне стало почти жалко его — два одино-

чества в одном бетонном склепе.

Сейчас — нет. Сейчас мне плевать на его пустоту, потому что моя стала слишком тяжёлой, чтобы нести её одной.

Смотрю на дурацкую наклейку и чувствую, как в груди закипает злая энергия. Та самая ярость, которая приходит, когда доходишь до предела. Мне больше не нужна просто тишина. Хочется, чтобы кто-то наконец заметил, что я существую. Даже если для этого придётся стать кошмаром наяву.

Медленно поднимаю руку. Пальцы всё ещё дрожат, но теперь не от холода, а от предвкушения столкновения. Не собираюсь использовать заклинания — это было бы слишком просто и безопасно. Хочу почувствовать этот конфликт кожей; услышать живой голос, который не предназначен для тысяч людей в чате, а обращён лично ко мне.

Давлю на кнопку звонка. Долго. Не отпускаю, чувствуя, как пластик вжимается в подушечку пальца. Потом ещё раз. И ещё. Хочу, чтобы этот звук пробил его пузырь самоуверенности; чтобы он почувствовал то же раздражение, которое сжигало меня всю неделю.

Голос за дверью матерится. Шаркает тапками. Щёлкает замок. Дверь распаивается с резким звуком; в лицо ударяет запах энергетика и перегретого пластика.

Он стоит на пороге — взлохмаченный, в домашних штанах с каким-то нелепым принтом и расстёгнутой рубашке на голое тело. В руке — почти пустая банка энергетика. Глаза блестят, под ними глубокие тени, но он улыбается. Эта лёг-

кость пугает: будто ему только что подарили новую игрушку, и эта игрушка — я.

Он не спешит говорить. Медленно, с нарочитым удовольствием осматривает меня с ног до головы — от растрёпанных волос до сжатых в кулаки ледяных пальцев. В этом нет ни капли смущения за то, что он разбудил весь дом. Только ленивое любопытство. Он делает глоток, причмокивает и облакачивается плечом о косяк, перекрывая выход.

— Оу, — тянет он хриплым от ночного ора голосом. — Кажется, ко мне забрела какая-то потеряшка. Ты из какой сказки сбежала, солнце? Или это новый тренд в ТикТоке — приходить к соседям в три часа ночи в таком виде, чтобы собрать донаты на жалость?

Он усмехается, и этот оскал не имеет ничего общего с дружелюбием. Это уверенность человека, который привык быть центром внимания, пока остальные остаются фоновым шумом.

Внутри меня что-то опасно вибрирует. В кончиках пальцев вспыхивает знакомый жар; магия отзывается на его высокомерие, требуя ударить в ответ.

— Если пришла жаловаться на звук, то сразу спойлер: мне плевать. Мой чат в восторге, донаты летят, значит — шоу продолжается. Так что давай, вываливай претензию максимально кратко, а то у меня там катка горит и тиммейты — полные нубы.

В горле пересыхает. Это не страх — просто физическое

истощение от необходимости объяснять очевидное человеку, который живет в вакууме. Хочется либо ударить его по этой самодовольной физиономии, либо просто упасть на холодный пол и больше никогда не вставать.

— Слушай... — голос звучит хрипло, надломленно, будто я не говорила несколько лет. Смотрю ему прямо в глаза; в моем взгляде нет никакой «потеряшки», которой он меня назвал. Только выжженная пустота.

— Может... просто выключишь музыку? Я настолько устала, что...

...что даже злиться на тебя нет сил.

Плечи непроизвольно опускаются. Весь боевой настрой, с которым я поднималась по лестнице, исчезает в одно мгновение. Теперь передо мной не просто шумный сосед, а живое воплощение всего, что я ненавижу в этом мире: наглая, пустая уверенность в собственной значимости.

Смотрю на его расстёгнутую рубашку, на банку энергетика и вдруг осознаю, насколько мы оба сейчас жалки в этом пустом подъезде. Он со своим виртуальным королевством и я со своим настоящим миром, который меня выплюнул.

— Я просто хочу спать, — добавляю шёпотом. — Пожалуйста. Просто... выключи это.

Я стою перед ним в старых джинсах и чужой толстовке, с ледяными пальцами и выжженным сердцем, и прошу милости у человека, который считает жалость «трендом из ТикТока».

Внутри магия недовольно ворочается; требует справедливости, требует стереть эту ухмылку с его лица одним движением руки. Но я подавляю импульс. Потому что если я сейчас использую силу, я снова стану той, кто «всё может исправить». А мне хочется быть просто человеком. Человеком, которого услышат.

Он скрещивает руки на груди. Разглядывает меня — бледную, с красными глазами, в мятой толстовке — с таким удовольствием, словно я какой-то забавный уродец.

— Ой-ой, посмотрите, какая у нас тут уставшая принцесса. Бедняжечка, целый день бумажки перекладывала?

Он смеётся. Коротко. Сухо. Этот смех бьёт под дых, оставляя после себя противное чувство липкой грязи.

— Слушай, твои проблемы со сном — не моя забота. Я тут стрим веду, у меня контент. А ты хочешь, чтобы я дропнул всё ради твоего тихого часа? Смирись, солнце. В этом доме другие правила.

Он отступает на шаг в квартиру; даже не думает убавлять громкость. Пол под кедами мелко дрожит. Бас такой мощный, что вибрация проходит сквозь подошву, въедается в кости; всё тело начинает гудеть в такт этой музыке. В висках пульсирует тяжёлая, свинцовая боль.

Магия покалывает пальцы. Сильнее, чем до этого. Она больше не ждёт — она рвётся наружу, требуя разнести этот фасад из бетона и самоуверенности в щепки. Ярость подпитывает её, превращая привычное тепло в обжигающий жар.

— То есть нормального языка ты не понимаешь? — мой голос больше не дрожит. Он становится холодным, как лёд в Этерии; и в этом холоде просыпается что-то, чего я сама от себя не ожидала.

Парень замирает. Дверь не закрывает, но и навстречу не делает ни шага. Брови медленно ползут вверх; в глазах вспыхивает опасный огонёк — так смотрят на кого-то, кого можно безнаказанно раздавить. Он делает ещё один глоток энергетика, нарочито громко сглатывает и снова переводит взгляд на мои сжатые пальцы.

— «Нормальный язык»? — переспрашивает с видом, будто я заговорила на мёртвом диалекте. — Слушай, милая, нормальный язык — это когда ты просишь вежливо, а я решаю, стоит ли вообще тратить на тебя время. А сейчас ты пытаешься играть в «строгую девочку», но выглядишь так, будто тебя только что выплюнул старый пылесос.

Внутри что-то окончательно лопается. Без взрыва — просто тихий щелчок предохранителя. Вся тоска, чувство чужеродности и бессилия внезапно сжимаются в одну точку. Мне больше не хочется быть «хорошей». Или «невидимкой». Смотрю на него и понимаю: он не просто шумный сосед. Он — воплощение того самого высокомерия, с которым я боролась всю жизнь. И сейчас мне до смерти хочется разбить этот образ к чертовой матери.

Он вдруг подаётся вперёд, вторгаясь в моё пространство так резко, что я невольно задерживаю дыхание. Пахнет хи-

мическим цитрусом и перегретым железом системного блока. Голос становится тише, в нём сквозит неприкрытый яд.

— Решила тут за главного побыть? Серьёзно? — он усмехается, глядя прямо в глаза. — Твой максимум — это написать жалобу в ТСЖ или поплакать в подушку под мои бабы. Так что давай, попробуй ещё раз. Сделай так, чтобы мне стало интересно. А то пока твой перформанс — это просто скучный кринж.

Он начинает медленно закрывать дверь, даже не глядя на меня, будто я — всего лишь досадная помеха, которую можно вычеркнуть из реальности одним движением руки.

Внутри что-то окончательно обрывается. Больше нет ни усталости, ни тоски. Только ледяная ярость.

Смотрю ему в глаза и резко упираюсь ногой в дверь, мешая её закрыть; чувствую, как металл сопротивляется натиску.

— Ты не понял, кому перешёл дорогу, малыш.

Щёлкаю пальцами. Звук тихий — сухой щелчок, почти ничего. Но мир за его спиной гаснет мгновенно. Всё. Мониторы, неоновые ленты, гудящий системный блок — всё, что было его тронным залом, умирает на месте. Тишина падает такая резкая и тяжёлая, что закладывает уши. В висках оглушительно шумит кровь.

В квартире теперь темно. Только тусклый жёлтый свет из подъезда выхватывает его лицо. Рот открыт. Глаза вытаращены. Он выглядит так, будто у него только что вырвали

сердце вместе с проводами.

— Стрим окончен.

Разворачиваюсь, чтобы уйти. В груди разливается странное, почти забытое чувство силы.

Сначала наступает абсолютная, вакуумная тишина. Кажется, в его мозгу происходит короткое замыкание: он пытается сопоставить реальность с тем, что только что произошло. А потом из темноты доносится звук — резкий, яростный выдох.

— Что за... — он не договаривает.

В следующее мгновение я не успеваю даже среагировать. Его рука вцепляется в плечо, дёргая назад с такой силой, что я вскрикиваю. Он не действует осторожно — буквально зашвыривает меня обратно в проём двери, перекрывая единственный путь к отступлению.

Я ударяюсь спиной о косяк; физический удар выбивает весь триумф. Его дыхание совсем рядом, обжигает кожу; в нём больше нет лени или насмешки. Только концентрированный гнев, от которого воздух вокруг начинает искрить.

— Ты что, бл**, сделала? — голос больше не звучит насмешливо. Он вибрирует, переходя в низкий, опасный рык. — Ты хоть понимаешь, что натворила, мелкая дрянь?!

Я замираю, прижатая к стене. Триумф испаряется, сменяясь острым, почти забытым ужасом. В Этерии всё было иначе: магия была законом, инструментом. Но здесь, в тесном подъезде с запахом энергетика, я сталкиваюсь с чем-то ку-

да более непредсказуемым — с неконтролируемой человеческой агрессией.

Пальцы до боли сжимают плечо. Он сейчас не просто сосед — он тот, у кого в одно мгновение отобрали всё, что было дорого. Смотрю в его глаза: любопытство исчезло. Осталась только тьма и желание уничтожить того, кто посмел коснуться его «святыни».

Пытаюсь вдохнуть, но воздуха не хватает — он слишком близко, занимает всё пространство, вытесняя меня из реальности. Магия внутри снова начинает пульсировать, но теперь это не уверенный поток силы, а хаотичные разряды. Она пытается защитить меня, отбросить его прочь, но тело предательски дрожит.

Я хотела, чтобы меня заметили? Что ж, теперь он видит меня. Видит слишком отчетливо. И это внимание оказывается куда страшнее всей той серой пустоты, в которой я жила последние недели.

Он отпускает меня так же резко, как и схватил, и делает шаг назад в темноту. Слышу, как он лихорадочно, почти с паникой щелкает кнопкой включения компьютера. Щелчок. Тишина. Снова щелчок. Ничего.

— У меня там финал турнира! Пятьдесят тысяч зрителей! — он разворачивается; в полумраке его глаза кажутся черными провалами. — Если это какой-то твой дебильный пранк или ты вырубил рубильник в подъезде... клянусь, я превращу твою жизнь в такой же ад, какой эта ночь стала для меня.

Он снова нависает всей массой, пытаясь задавить присутствием. В взгляде теперь не просто высокомерие, а ослепляющая ярость. Но где-то за этим гневом проскальзывает секундное замешательство. Он ведь видел: я не двигалась. Не трогала провода. Просто щёлкнула пальцами — и его мир рухнул.

— Как ты это сделала? — спрашивает тише; в голосе просыпается опасное, хищное любопытство. Так смотрят на странный вирус или на зверя, который внезапно обернулся и оскалился. — Говори. Сейчас же.

Пальцы снова сжимают плечо. Больно. Резко. Ногти впиваются в ткань толстовки и кожу под ней — ещё немного, и останутся синяки, которые будут напоминать об этом вечере всю следующую неделю.

И вдруг... эта боль срабатывает как переключатель. Усталость, душившая меня последнее время, отступает, оставляя после себя звенящую пустоту. Внутри становится ясно и пугающе холодно.

— Донаты — ничто, — говорю я. Голос звучит спокойно, медленно, почти гипнотически. Эта уверенность обволакивает, создавая невидимый щит между мной и его яростью. — Человеческое отношение — вот что важно.

Медленно перевожу взгляд на его руку, всё ещё сжимающую плечо, а затем смотрю ему в лицо. Теперь я не смотрю снизу вверх — я смотрю сквозь него, видя всю его беспомощность перед силой, которую он не может ни понять, ни

контролировать.

— Одним щелчком я могу сделать так, что твои подписчики не увидят ни одного стрима. Никогда. Твоя карьера может закончиться прямо сейчас, в этой темноте подъезда.

Делаю едва заметный вдох. Взгляд становится жестким.

— И думаю... тебе пора извиниться.

Он замирает. На одну короткую, сладкую секунду в его глазах мелькает страх. Настоящий. Животный. Тот самый, который невозможно сыграть на камеру. Вижу, как он хочет отступить; тело инстинктивно подаётся назад, но гордость оказывается сильнее. Он заталкивает этот страх глубоко внутрь, под слои своей привычной маски.

Медленно отпускает моё плечо. Отступает на шаг. Запрокидывает голову и издаёт громкий, театральный смех. Фальшивый. Я слышу эту фальшь даже сквозь изнурение — она звучит как треснувшее стекло.

— Ого, у нас тут проснулась моралистка! «Человеческое отношение»... Ты сейчас серьёзно? Это что, цитата из какого-то зашкварного паблика по психологии?

Он делает шаг в сторону, обходя меня по кругу, словно изучает странный механизм, который внезапно сбоит. Смех затихает, но на губах остаётся кривая ухмылка — теперь она кажется мне не пугающей, а почти жалкой.

— Слушай, ходячий ты наш спецэффект, — снова этот ядовитый, растянутый тон, но теперь в нём чувствуется напряжение. — Думаешь, если напугала меня на секунду фо-

кусом с электричеством, то я сейчас упаду на колени и буду умолять о прощении? Что ты себе вообразила? Что ты теперь здесь главная, потому что умеешь играть в «выключатель»?

Он внезапно останавливается прямо передо мной. Слишком близко. Не касается, но я чувствую жар его тела — он не греет, а обжигает. Он наклоняется к моему уху, понижая голос до шёпота; по коже пробегает мороз, а сердце делает один тяжёлый, глухой удар.

— Извиняться? Это для слабаков. Для тех, кто боится последствий. А мне плевать на твои угрозы. Если действительно можешь что-то сломать — ломай. Но помни: когда начинаешь войну с кем-то вроде меня, будь готова к тому, что я выжгу всё вокруг тебя просто чтобы посмотреть, как ты будешь выживать в пепле.

Стою неподвижно, чувствуя дыхание на щеке. В этот момент мне становится почти смешно. Он угрожает мне «пеплом», не понимая, что я сама — пепел всего своего прошлого мира. Что я уже выжила в пустоте, которая была куда страшнее любого его гнева.

Он отстраняется и смотрит на меня с пугающим азартом.

— Так что засунь свою мораль куда-нибудь подальше. Хотела тишины? Получай. Теперь в моей квартире гробовая тишина. Довольна? А теперь проваливай к себе, пока я не решил выяснить, как именно работает твой «щелчок» и где у тебя кнопка выключения.

Он заканчивает фразу и замирает, глядя на меня побед-

но, будто выиграл важный матч. Медленно выдыхаю; внутри окончательно утихает паника, оставляя место странному, почти азартному спокойствию.

— А если я докажу, что всесильна?

Парень замирает. Лицо на мгновение становится непроницаемым, но в глазах вспыхивает жадность игрока, увидевшего на столе ставку, превышающую всё его состояние. Складывает руки на груди. Ухмылка возвращается, но теперь она другая — в ней нет прежнего пренебрежения, только холодный, аналитический интерес.

— «Всесильна»? — он пробует слово на вкус, растягивая гласные. — Ого. Мы перешли от «человеческого отношения» к комплексам бога? Быстро меняем тему.

Делает полшага вперёд, сокращая расстояние до минимума; чувствую его горячее дыхание на лбу. Смотрит сверху вниз — теперь в этом взгляде прямой, неприкрытый вызов.

— Ладно, допустим. Допустим, ты не просто умеешь вырубать свет в доме с гнилой проводкой. Докажи. Прямо сейчас. Сделай что-нибудь такое, что невозможно списать на статику или удачное совпадение. Покажи свой великий скилл. Или признай, что ты в полном тильте и пытаешься самоутвердиться за мой счёт.

Я не отступаю. Даже не моргаю, глядя прямо в эти чёрные глаза.

— Надоел твой сленг, — произношу тихо, но твёрдо. — Сейчас ты будешь говорить как нормальный человек.

Поднимаю руку. Он не успевает отшатнуться. Даже не пытается — замороженный или слишком уверенный в своём превосходстве. Касаюсь пальцем его лба, чуть выше переносицы. Кожа горячая, влажная от энергетиков и бессонницы.

Маленький магический импульс. Тёплый. Почти нежный. Будто кто-то мягко выдохнул ему в лицо, смывая всё лишнее.

Зрачки расширяются мгновенно, поглощая радужку; тело пробивает дрожь — от плеч до самых кончиков пальцев. Вижу, как судорожно дёргаются руки по швам. Он открывает рот, чтобы снова засмеяться или укусить меня своим ядом, и застывает.

Слова застревают в горле. Он хмурится — теперь не зло, а сосредоточенно, будто пытается поймать ускользающую мысль. Смотрю на него, не отрываясь. Лицо меняется на глазах: уходит вечное напряжение с челюсти, он перестаёт сжимать зубы. Расслабляются плечи, опускаются руки.

Парень делает глубокий вдох — первый по-настоящему спокойный вдох за весь этот бесконечный вечер.

В наступившей тишине становится слышно, как в глубине квартиры тихонько потрескивает остывающий системный блок. Сосед выглядит так, будто его выдернули из эпицентра хаоса и внезапно забросили в стерильный белый зал.

Моргает. Один раз. Другой. Взгляд, который ещё секунду назад был колючим, становится... чистым. Почти прозрачным. Снова открывает рот; я внутренне сжимаюсь, ожидая

новой порции сарказма, но он просто молчит.

— Что за... — начинает он, и голос звучит совершенно иначе. Исчезла нарочитая хрипотца и издевательский надрыв. Теперь он говорит спокойно, ровно, почти мягко. — Что ты сейчас сделала?

Поднимает руку и касается того места на лбу, где был мой палец. Движения стали плавными, лишёнными дёрганой энергии стримера-перфекциониста. Смотрит на меня — теперь в глазах нет ни вызова, ни злости. Только недоумение и странная, пугающая ясность.

— Я... я чувствую себя так, будто из моей головы выкачали весь этот шум, — произносит он тихо, почти про себя. — Впервые за несколько лет я слышу... тишину. Настоящую тишину.

Делает шаг назад — не чтобы прогнать меня, а чтобы осознать происходящее. Смотрит на свои руки, потом снова на меня. Впервые без привычной усмешки. Без маски. Он просто смотрит с искренним, живым интересом.

У меня внутри что-то сжимается. И это не магия. Что-то другое, давно забытое, тёплое и болезненное одновременно. Улыбаюсь — устало и почти невесомо.

— Удивила?

Парень молчит. Пауза затягивается. Он продолжает изучать моё лицо, и в его взгляде больше нет того высокомерия, которым он привык прикрываться. Сейчас он выглядит... уязвимым. Слишком открытым для этого мира и для

меня. Медленно качает головой; в этом движении нет отрицания — только молчаливое признание поражения.

— Удивила, — тихо говорит он. И слово звучит странно, потому что в нём нет ни капли сарказма. — Ты не просто удивила. Ты... ты только что взломала мою систему защиты одним касанием.

Делает короткий, почти неосознанный вдох и слегка прищуривается. В глазах возвращается тот самый острый интеллект, который он так тщательно прятал за маской зумерского цинизма и токсичности. Он больше не ведет себя как капризный стример; сейчас передо мной стоит взрослый человек, способный анализировать происходящее с холодным рассудком.

— Это не гипноз и не воздействие на нейромедиаторы, — произносит он задумчиво, словно анализирует сложный код. — Ощущение слишком... органическое. Словно ты просто убрала помехи из радиоэфира.

Делает полшага ко мне; на этот раз в движении нет ни капли угрозы. Только какое-то лихорадочное любопытство.

— Кто ты такая на самом деле? — спрашивает он. — И почему до этого момента позволяла мне вести себя как последнему подонку?

— Не важно, — отвечаю я. Внутри шевельнулось сожаление: я не должна была так явно демонстрировать силу, но теперь уже ничего не попишешь. Слишком много открыла.

Он улыбается. Заинтересованно. Без того издевательства,

которое обычно сквозит в каждой его интонации.

— Теперь мне действительно любопытно. Каков предел твоих возможностей?

Смотрю на него. На парня, который ещё пять минут назад был наглым троллем, а сейчас стоит передо мной — растерянный, тихий и... даже симпатичный в этой своей уязвимости.

— Нет предела, — говорю я уверенно. — Хочешь денег? Могу заполнить твой банковский счёт так, чтобы хватило на три жизни вперёд. Хочешь подписчиков? Организуем.

Замираю, вглядываясь в его глаза.

— Только тебе всё ещё нужно извиниться. И помни: я не джинн из лампы. Меня нужно очень хорошо убедить в том, что мне стоит это сделать.

Парень замирает. Опускает взгляд на свои руки, затем снова переводит его на меня. Губы чуть дёргаются — кажется, он пытается вернуть привычную ухмылку, но она выходит жалкой и совершенно неубедительной.

— Деньги... — произносит он почти брезгливо, хотя в глубине зрачков всё ещё мелькает тень задумчивости. — Деньги — это скучно. Просто цифры в приложении. Подписчики — тем более. Они любят созданный мной образ, а не меня самого.

Делает шаг ближе; между нами остаётся всего пара сантиметров. Он больше не пытается напугать; он просто... изучает. Голос снова становится тише, обретая ту глубину, кото-

рую он так тщательно прятал за слоями сленга.

— Ты предлагаешь мне сделку, — констатирует он. — И требуешь извинений в качестве входного билета. Знаешь, в чём ирония? Ты сейчас делаешь ровно то же самое, что и я десять минут назад. Устанавливаешь свои правила. Доминируешь. Только делаешь это изящнее, используя силу, против которой у меня нет никакого антивируса.

Внезапно замолкает и делает глубокий вдох. Вижу, как его перекашивает от собственного бессилия перед необходимостью признать вину. Но затем он на секунду закрывает глаза и выдыхает, сдаваясь.

— Прости, — говорит он. Слово звучит коротко, почти болезненно, словно каждое движение губ дается ему с трудом. — Прости за шум. За... всё остальное.

Я слушаю его, и внутри наконец становится тихо. Магия успокоилась, осела где-то за грудиной. И впервые за долгое время я просто дышу. Не считаю секунды до следующего конфликта, не контролирую каждый жест, не готовлюсь к удару.

— Извинения приняты.

Он выдыхает — громко, с почти болезненным облегчением. Плечи опускаются, голова чуть наклоняется вперёд; напряжение уходит из него окончательно. И в ту же секунду я вижу, как в его глазах снова загорается любопытство. Живое. Горячее.

— Мы в расчёте. Справедливо, — он чуть прищуривает-

ся; теперь в его взгляде читается настоящий интеллектуальный голод. — Но теперь меня мучает один вопрос. Если ты действительно обладаешь такой силой... почему ты живёшь здесь? В этой панельке? С такими возможностями ты могла бы перестроить мир под себя. Создать собственный рай где угодно.

Смотрю на него, и на мгновение кажется, что он видит меня насквозь — не магию, а ту пустоту, которую я прячу под старой застиранной толстовкой. Его вопрос бьёт точно в цель: без яда, просто сухая констатация факта.

— Рай? — я криво усмехаюсь; звук кажется слишком громким в установившейся тишине. — Ты когда-нибудь задумывался, что происходит с человеком, который может получить всё одним щелчком пальцев?

Отступаю на шаг назад, возвращаясь в сырую прохладу подъезда. Ступни всё ещё ледяные, но теперь этот холод кажется единственным якорем.

— Когда нет борьбы, нет усилий, нет этого изнуряющего ожидания... всё теряет смысл. Вещи становятся пластиковыми. Чувства — картонными. Если я создам себе рай, я просто стану его единственной пленницей. Буду знать каждую секунду: всё вокруг — лишь эхо моей собственной воли.

Поднимаю взгляд на него. Он слушает с таким замиранием, будто я сейчас раскрою ему что-то действительно важное. В этом взгляде больше нет токсичности — только жадность до знаний и странное, интимное понимание.

— Я живу здесь, потому что здесь я всё ещё чувствую, что существую. Потому что здесь есть вещи, которые я не могу просто «исправить». Например... — делаю паузу и едва заметно улыбаюсь одними уголками губ, — ...соседи, которые невыносимо громко слушают музыку в три часа ночи.

Отвожу взгляд в сторону. Смотрю на облупившуюся краску на стене, на грязный пол. Внутри разливается знакомая до боли пустота. Такая темная, что можно сойти с ума, если заглянуть в неё слишком долго.

— Мне просто не интересно, — говорю глухо. — Я уже пробовала всё. И я смертельно устала от этого «всего».

Снова поворачиваюсь к нему.

— Я даже не захотела изолировать свою квартиру от звуков. Поэтому и пришла к тебе.

Он замирает. Смотрит на меня. В его взгляде нет сочувствия или жалости — нет желания что-то починить или использовать в своих целях. Только понимание. Тихий, грустный кивок человека, который тоже когда-то лежал в темноте и не знал, зачем просыпаться утром.

— Значит, ты достигла точки абсолютного пресыщения, — произносит он тихо. — Состояния, когда любой стимул перестаёт вызывать отклик.

Медленно кивает, словно подтверждая общую болезненную истину.

— Это самое страшное проклятие — знать, что впереди нет ничего нового. Я... я пытался заполнить эту пустоту ток-

сичностью и шумом. Создавал хаос вокруг себя, сжигал мосты, просто чтобы чувствовать себя хоть немного живым.

Он делает паузу и задумчиво смотрит на свои руки, будто видя на них всё, что он сжёг за эти годы.

— А ты... ты просто позволила шуму проникать в твою жизнь. Потому что даже раздражение от невыносимого соседа — это что-то более реальное, чем стерильный рай, который ты создаёшь одним щелчком пальцев.

Медленно отступает в сторону, освобождая путь к лестнице. Этот жест — тихий, усталый — говорит больше любых извинений.

— Иди отдыхай, — говорит он; в голосе больше нет прежнего яда. — Я больше не буду мешать твоему сну. По крайней мере... до тех пор, пока тебе снова не станет слишком скучно.

Делаю шаг к лестнице, но внезапно останавливаюсь. Спинной чувствую его взгляд. Тёплый. Неожиданно тёплый.

— Даже не попросишь исполнить сокровенное желание? — слегка поворачиваю голову; в голосе снова появляется игривая нотка. — Говори. Должна же я как-то извиниться за «неудобства».

Парень не отвечает сразу. Почти слышу, как он снова перебирает варианты: деньги, слава, власть. Но затем доносится смешок — тихий, искренний.

— Знаешь, в чём проблема с желаниями? — голос звучит за спиной, приглушённо, но отчётливо. — Когда получаешь

что-то даром, перестаёшь ценить процесс. Это как чит-код в игре: сначала весело, а через час удаляешь её к чертям, потому что становится невыносимо скучно.

Чувствую, как он делает шаг к самому порогу, но не выходит в подъезд. Остаётся в своей тёмной квартире — в своём безопасном убежище, которое снова отделяет его от всего мира.

— Моё сокровенное желание... — он делает паузу; я чувствую, как он подбирает слова, чтобы не разрушить этот момент. — Я хочу, чтобы ты однажды пришла сюда не для того, чтобы заставить меня замолчать. А потому, что тебе действительно захотелось поговорить с кем-то, кто не боится твоих щелчков пальцами.

Он замолкает на секунду, а затем в голосе снова проскальзывает знакомая искра дерзости. Но теперь она не ранит — она кажется почти дружеской.

— А пока — вали спать, «всесильная». И постарайся не снести этот дом во сне, если тебе вдруг приснится кошмар.

Слышится тихий звук закрывающейся двери. Сухой щелчок замка. Я остаюсь стоять в пустом, пропахшем пылью подъезде под мигающей, измученной лампочкой. В квартире сверху наконец-то наступила тишина. Настоящая. Глухая. Но теперь она больше не кажется мне пустой или давящей. Она кажется... многообещающей.

Глава 2

Вяло перемещаюсь по кухне; каждое движение ощущается как сквозь слой ваты. Чайник наконец закипает с пронзительным, раздражающим писком. Завариваю растворимый кофе с молоком и корицей — простой ритуал, чтобы хоть как-то прийти в себя. Вдыхаю густой аромат, делаю первый глоток.

В дверь стучат.

Открываю. На пороге — он. Вид максимально помятый: волосы в разные стороны, под глазами глубокие тени, а плечи топчет огромная чёрная толстовка. Но взгляд сфокусирован до предела. В нём горит тот самый блеск, который бывает только у людей, одержимых безумной идеей.

— Доброе утро, о всемогущая, — произносит он с лёгкой, почти уважительной усмешкой. — Надеюсь, твой кофе достаточно крепкий, чтобы ты смогла выслушать мою теорию.

Он не ждёт приглашения. Просто шагает в прихожую, обводя квартиру тем же холодным аналитическим интересом, что и вчера.

— Я всю ночь думал о твоём пресыщении. О том, что ты видела всё. Но есть одна вещь, которую невозможно просто «увидеть» или «купить», даже будучи богом. Это процесс совместного создания чего-то абсолютно нового, где результат не предопределён.

Замирает и смотрит мне прямо в глаза. В голосе звучит странный, почти детский азарт.

— Моё желание... я хочу, чтобы ты помогла мне создать штуку, которая взломает законы логики этого мира. Не просто магией, а миксом твоих знаний о запредельном и моего скилла в цифровой реальности. Скажи... ты когда-нибудь пробовала создать полноценную симуляцию сознания, используя реальную магическую искру в качестве ядра?

Смотрю на него. На взлохмаченного парня, который всю ночь не спал, одержимо придумывая, как скрестить магию и программный код. И вдруг — на одну короткую секунду — мне кажется, что он говорит не о симуляции. Что он предлагает нечто совсем другое. Создать что-то новое. Вместе.

Дыхание сбивается. Я тут же с силой прогоняю эту мысль — слишком опасная.

Легким, почти машинальным движением руки привожу его волосы и одежду в порядок. Сама при этом выгляжу максимально по-домашнему: в пижаме и с волосами, собранными в разваливающийся пучок.

— А-а-а... это... — задумываюсь, отводя взгляд. — Делала. Ничего хорошего не вышло. Пришлось всё уничтожить.

Парень замирает, когда облик меняется. Чувствует, как ткань толстовки разглаживается, а волосы ложатся в идеальную форму. Первой реакцией становится желание отпрянуть от этого внезапного вмешательства в личное пространство. Но он сдерживается. Медленно проводит рукой по волосам,

пробуя новую текстуру; в глазах вспыхивает что-то среднее между привычным раздражением и невольным восхищением.

— Оу, спасибо за бесплатный стайлинг, но давай договоримся: с моим имиджем «безумного гения» разберёмся позже, — он усмехается, и в этой ухмылке больше нет яда. Только чистый азарт исследователя.

Он не пугается моих слов. Напротив, подаётся вперёд, почти вплотную; я чувствую запах его бессонной ночи и горького дешёвого кофе. Зрачки снова расширяются, поглощая радужку.

— «Ничего хорошего не вышло» — самая вдохновляющая фраза, которую я слышал за последние годы, — произносит он с фанатизмом в голосе. — Именно в этом и смысл! Если бы всё получилось с первого раза, это была бы просто очередная функция, скучный скрипт. А если ты это уничтожила... значит, наткнулась на что-то настолько нестабильное или мощное, что оно просто вырвалось из-под контроля.

Делает широкий, экспрессивный жест рукой, словно рисует в воздухе сложную схему.

— Твоя ошибка была в том, что ты пыталась контролировать процесс как бог. А я предлагаю подойти к этому как хакер. Мы не будем строить идеальный стерильный храм сознания. Мы создадим хаос. Я дам структуру, код, жёсткие логические цепочки, которые будут сдерживать искру, а ты... ты вдохнёшь в систему жизнь.

Внезапно затихает и смотрит на меня — серьёзно, без масок и шуток. В взгляде читается мольба о том, чтобы я разделила его одержимость.

— Подумай об этом. Ты сама сказала, что тебе скучно, потому что всё предсказуемо. Но если мы объединим магию и код, мы создадим переменную, которую не сможет предугадать даже ты. Разве это не то самое «новое», которого тебе так не хватает?

Смотрю на него несколько секунд, а затем совершенно безразлично пожимаю плечами.

— Хочешь кофе?

Парень замирает; на лице отражается полное недоумение. Он явно ожидал долгого философского спора или хотя бы капли того же фанатизма, с которым расписывал свой план. Моё безразличие бьёт по нему сильнее любого магического импульса. Он переводит взгляд с моего лица на кружку с кофе, и в глазах мгновенно вспыхивает прежнее раздражение.

— Серьёзно? — он выдыхает, и в голосе снова проскальзывает едкая нотка токсичного недоумения. — Я предложил тебе проект, который перевернет представление о реальности, а ты спрашиваешь про кофе? Твой уровень эмоционального отклика просто... поразительный. Ты реально как будто в режиме энергосбережения живёшь.

Но, несмотря на ворчание, делает шаг к кухне. Плечи наконец расслабляются; он снова становится тем самым парнем, который может быть невыносимым, но странно притя-

гательным.

— Да, хочу. Сделай максимально крепким, — бросает он.
— И если есть корица — добавь больше. Мне нужно что-то, что реально пробудит рецепторы, пока ты пытаешься довести меня до белого каления своим игнором.

Облокачивается на кухонный стол, молча наблюдая за моими движениями. В взгляде больше нет потребности доминировать, но появилось что-то иное — привычка подмечать детали. Он молчит, но я кожей чувствую: он всё ещё ждёт ответа. Просто теперь делает это тише, подстраиваясь под мой медленный, сонный ритм.

Едва заметно улыбаюсь.

— Кстати... а как тебя зовут?

Легкий жест пальцами — и прямо перед ним на столе из воздуха материализуется чашка ароматной арабики.

Парень замирает. Он заворожённо наблюдает за тем, как тонкая струйка пара поднимается вверх. Эта бытовая лёгкость, видимо, забавляет его больше всего.

Медленно переводит взгляд на меня. В глазах мелькает ирония над самим собой и всей этой абсурдной ситуацией.

— Ты серьёзно? — он усмехается, и в этой ухмылке больше тепла, чем я ожидала увидеть в десять утра после бессонной ночи. — Мы вчера чуть не разнесли подъезд, я признал поражение, мы обсудили смысл жизни и симуляцию сознания... а ты только сейчас решила узнать моё имя?

Делает медленный глоток, зажмурившись. Видимо, насто-

ящая арабика куда приятнее его привычных синтетических энергетиков.

— Марк, — отвечает он, глядя на меня поверх края чашки. — Просто Марк. Для фанатов я «Тот Самый», но тебе этот статус вряд ли интересен.

— Сколько тебе сахара?

Ставит чашку на стол и чуть подаётся вперёд, сокращая дистанцию.

— Сахара не надо. Предпочитаю вещи с горьким привкусом — так они кажутся более настоящими.

Затихает, глядя на меня в упор; кажется, пытается найти в моём лице какой-то скрытый баг или секретную функцию.

— А теперь твоя очередь, — говорит тише. — Как зовут девушку, которая может превратить мою жизнь в ад одним щелчком пальцев, но при этом предпочитает ходить в пижаме и варить кофе? Или мне продолжать называть тебя «Божество из квартиры номер сорок два»?

— Божество... — пробую слово на вкус; оно кажется чужим, слишком тяжёлым. — Было бы приятно. Но всё проще. Меня зовут Мелисса. Я не божество. Маг, если говорить совсем коротко.

Марк медленно повторяет моё имя, словно проверяя его на слух, будто оно — часть сложного кода, который он пытается расшифровать.

— Мелисса, — произносит почти шёпотом. — Звучит... мягко. Слишком мягко для того, кто может стереть мою

цифровую личность из сети за одну секунду. Контраст просто зашкаливает.

Он снова делает глоток кофе, но теперь не смотрит в чашку. Смотрит на меня; я чувствую, как меняю статус в его системе координат. Теперь я не «странная соседка» и не «всемогущий монстр». Я — глобальная загадка, которую он обязан разгадать до самого конца.

— «Просто одарённая», — он усмехается, и эта ухмылка кажется почти уютной, без прежнего цинизма. — Ты так скромничаешь, что становится жутко. Знаешь, Мелисса, в моём мире «просто одарёнными» называют тех, кто чуть лучше остальных жмёт на кнопки. Но то, что делаешь ты... это не дар. Это абсолютный чит-код к самой реальности.

Ставит чашку на стол с сухим стуком и вдруг подаётся вперёд, резко сокращая расстояние между нами. В голосе снова звучит азарт, смешанный с чем-то новым — искренним желанием быть причастным к чему-то большему, чем стримы и донаты.

— Значит, Мелисса-маг. Слушай, раз уж мы перешли на имена и кофе... давай вернёмся к предложению. Я серьёзно. Не прошу быть моим инструментом или спасти этот мир. Я предлагаю игру. Самую рискованную в твоей жизни, где результат не прописан ни в одном скрипте. Ты в деле? Или всё-таки вернёшься в свой уютный режим энергосбережения?

— Что за игра? — скептически приподнимаю бровь.

Внутри всё ещё тянет назад привычная усталость, шепчу-

щая, что обычный парень из соседней квартиры не сможет меня удивить. Но где-то глубоко, в самой сердцевине пустоты, впервые за долгое время шевельнулось любопытство.

Марк довольно щурится. Он видит этот скепсис и буквально подпитывается им. Его заводит сама мысль о том, что он сейчас «продает» идею существу, которое видело всё.

— О, этот взгляд! — он почти смеётся, откидываясь назад и принимая вызывающую позу. — Взгляд существа, которое считает, что мир вокруг — это одна большая, заезженная пластинка. Именно поэтому тебе это и нужно. Больше, чем кому-либо другому.

Делает резкий, рубящий жест рукой, словно разворачивая в воздухе огромный невидимый экран.

— Смотри. Ты можешь создать что угодно, но всегда заранее знаешь, почему это произошло и к чему приведёт. Ты и автор, и исполнитель в одном лице. Скучно до смерти, правда? А теперь представь: мы создаём цифровой слепок сознания. Но вместо того, чтобы скормить ему сухие алгоритмы, мы вживляем в него твою искру. Чистый магический хаос.

Затихает, давая мне осознать масштаб безумия.

— Мы создаём сущность, которая обладает твоей силой, моим мышлением и совершенно непредсказуемым характером. Мы создаём «Третьего». И игра в том, что ни я, ни ты не будем знать, кем он станет. Он может быть идеальным помощником, может превратиться в цифрового бога или... — голос срывается на хрип, в нём слышится настоящий экстаз,

— ...может попытаться стереть нас обоих из этой реальности.

Марк наклоняется к самому моему лицу; я чувствую его сбивчивое дыхание. Глаза блестят от лихорадочного возбуждения. Он больше не играет роль токсичного стримера — сейчас передо мной человек, который готов сжечь мир ради одного момента истинного удивления.

— Это не просто эксперимент, Мелисса. Это единственный способ снова почувствовать настоящий страх или восторг, — в его голосе звучит фанатичная уверенность. — Потому что в этой игре ты больше не контролируешь финал. Ты больше не автор. Ты просто один из игроков. Ну что, рискнёшь выйти из зоны комфорта ради шанса на настоящий сюрприз?

Смотрю на него; перед глазами всплывает образ этого «Третьего». Риск. Связь. Общее творение. В груди что-то сжимается, и я поспешно возвращаю себе маску безразличия.

— Не хочется тебя расстраивать, Марк, но ты предложил создать магического помощника. Что-то вроде ваших нейросетей, но на магическом ядре, — слегка пожимаю плечами. — В моём мире такие вещи в ходу вечность. И, поверь, интеллектом они превосходят среднестатистического стримера. Я покажу.

Ухожу в комнату и возвращаюсь с небольшим металлическим шариком в ладони. Поверхность матовая, с глубокими фиолетовыми прожилками, напоминающими трещины

на старом фарфоре или разломы в застывшей лаве.

— Заряда почти нет, но для демонстрации хватит. Алонсо, активация.

Шарик вспыхивает пульсирующим фиолетовым светом и плавно взлетает, замирая на уровне наших глаз.

— Алонсо, какая сейчас погода в Этерии? — спрашиваю я, наблюдая за реакцией соседа.

Марк замирает. Взгляд прикован к шарiku; я вижу, как в его голове рушатся все теории последних десяти минут. Он не просто удивлён — он выглядит так, будто ему сообщили, что вся его жизнь была примитивным бета-тестом плохой игры. Когда Алонсо всплывает перед ним, Марк даже не пытается отстраниться. Подаётся вперёд, почти касаясь носом свечения; рассматривает прожилки металла с тем же азартом, с каким геймер изучает баг, ломающий всю механику уровня.

— В Этерии сейчас... — раздаётся голос Алонсо.

Это не механический синтезатор. Голос глубокий, обволакивающий, с металлическим резонансом, придающим ему властности и внеземной элегантности. В интонациях сквозит лёгкая ирония — так общаются те, кто знает о мире гораздо больше, чем все присутствующие в комнате.

— Наблюдается сезон мигрирующих облаков из жидкого серебра, — продолжает Алонсо; кажется, сам воздух вокруг него начинает вибрировать от этого спокойного тона. — Температура стабильна, однако в северных провинциях

ождается выпадение кристаллического дождя. Рекомендую подготовить защитные обереги для кожи, если планируете визит в этот регион.

Алонсо делает едва заметный поворот вокруг своей оси, словно оценивая Марка невидимым взглядом.

— А это... — голос помощника становится холоднее и аналитичнее, — ...тот самый «интеллектуальный партнёр», о котором вы упоминали? Признаться, его биометрические показатели выдают крайнюю степень когнитивного шока. Довольно забавно.

Марк застывает. Если до этого он чувствовал себя охотником, то теперь осознал: добыча на самом деле — хищник. Лицо застывает в выражении абсолютного трепета.

Медленно переводит взгляд с Алонсо на меня, а затем снова на шарик. В глазах происходит настоящий сдвиг. Он не просто впечатлён — он в экстазе.

— Ты... ты только что... — сглатывает; голос звучит хрипло. — Он меня затроллил? Этот кусок металла только что назвал меня «забавным» из-за моего когнитивного шока?

Марк резко выпрямляется; я вижу, как в нём вспыхивает азарт, умноженный на десять. Его не задело высокомерие Алонсо — напротив, оно стало высшим доказательством того, что магия способна создавать личность.

— Боже, Мелисса, это же гениально! — почти выкрикивает он, снова подаваясь вперёд. — Он не просто выдаёт информацию, у него есть характер! Есть эго! Эта невыносимая

манера общения делает его живым!

Снова смотрит на Алонсо; теперь в его взгляде читается профессиональный вызов программиста, увидевшего код, способный изменить мир.

— Слушай сюда, Алонсо, или как тебя там, — Марк обращается к шарiku с дерзостью, но в которой теперь слышится глубокое уважение. — Я не знаю, из какого металла тебя отливали и какой магический соус в тебя залили, но ты — самое крутое устройство в моей жизни. И именно поэтому... моё предложение всё ещё в силе.

Переводит взгляд на меня. Зрачки расширены, дыхание сбито.

— Видишь? Алонсо — совершенство. Он продукт своего мира, он идеален и... предсказуем в этом совершенстве. Но я предлагаю создать то, чего нет даже в Этерии. Синтез. Гибрид. Сущность, которая объединит твою силу и мой хаос, но будет развиваться сама по себе. Мы создадим кого-то, кто сможет поспорить даже с твоим Алонсо.

Затихает; в голосе звучит интимная серьёзность.

— Мелисса, ты же понимаешь... это будет не просто «помощник». Новая форма жизни. И только мы двое можем это сделать. Ты всё ещё хочешь прозябать в своей тишине или всё-таки рискнёшь создать что-то, что заставит даже тебя почувствовать себя новичком?

— Вы в корне неправы, молодой человек, — раздаётся спокойный, покровительственный голос Алонсо. — Каждый

помощник уникален в зависимости от структуры кристалла-накопителя. Не существует двух одинаковых помощников, как не существует двух идентичных людей. Те же, чьи наклонности оказываются опасными, незамедлительно подлежат уничтожению.

Я нежно глажу холодную поверхность сферы.

— Алонсо мой друг, — я искренне улыбаюсь металлу. — Наверное... единственный.

— Батарея разряжена. Мелисса, зря ты меня сюда притащила... — голос Алонсо внезапно затихает; в нём слышится человеческая усталость.

Сияние сферы гаснет; я едва успеваю подхватить её, чтобы та не упала на стол.

Марк замолкает. Весь его боевой настрой, попытки доказать правоту и соревноваться в превосходстве исчезают. Он смотрит не на сферу, а на меня — на то, как я глажу этот кусок металла, как тепло улыбаюсь ему и с какой осторожностью прижимаю к себе, когда свет гаснет.

Слова «единственный друг» висят в воздухе, перебивая запах корицы и кофе. В кухне становится слишком тихо. Тишина больше не неловкая или напряжённая — она обнажённая.

Марк медленно опускает руку на стол. Взгляд смягчается; в нём больше нет ни иронии, ни желания что-то доказать. Он видит в моём жесте то же самое одиночество, которое сам привык прятать за токсичными шутками и миллионами

донатов.

— Черт... — тихо выдыхает он с неожиданной горечью.

Он не шутит про «разряженный аккумулятор» или «глючный софт». Вместо этого осторожно, нерешительно, протягивает руку и касается пальцами края стола совсем рядом с моей ладонью. Не касается меня, но я чувствую тепло его кожи даже через этот миллиметр пространства.

— Слушай... — голос становится глухим, лишённым пафоса и привычного лоска. — Раз он разрядился... может... мне попробовать его подпитать? Не магией, конечно, я в этом ноль. Но я могу собрать какой-нибудь кастомный адаптер или преобразователь, если пойму принцип передачи энергии.

Поднимает на меня глаза. В них больше нет пугающего блеска исследователя. Только что-то слишком человеческое. Простое желание помочь тому, кто так же одинок, как и он сам.

— Я не обещаю, что не сожгу его к чертям, — произносит он; в голосе снова мелькает привычная грубость, но теперь она лишь прикрывает волнение. — Но я чертовски хороший инженер, когда мне действительно чего-то хочется. Дай его сюда. Попробую вернуть твоего... друга в строй.

— Не переживай, — тихо отвечаю я с затаенной печалью. — Он вернётся, как только я смогу вернуться назад. В свой мир.

Улыбаюсь медленно, вспоминая дом. В груди разливается

знакомая тоска по месту, где воздух пропитан магией, а небо не кажется таким серым и низким. Здесь, в этой бетонной коробке, мне невыносимо его не хватает.

Марк замирает. Рука, всё ещё протянутая к сфере, медленно опускается. Он смотрит на меня так, будто я призналась в чём-то непоправимом. Он и так знал, что я «другая», но масштаб этого признания оказывается куда больше и страшнее, чем он представлял.

— В свой мир... — повторяет шёпотом. Слово «мир» звучит в его устах как что-то невероятно далёкое. Словно он впервые осознаёт: границы реальности шире, чем он думал.

Тяжело откидывается на спинку стула. Для него всё всегда было ограничено рамками монитора, четырьмя стенами квартиры и бесконечным потоком сообщений в чате. А для меня эта реальность — всего лишь временное пристанище. Тесная комната с плохой звукоизоляцией, из которой я жду возможности выйти.

— Значит, ты здесь в командировке по принуждению? — он пытается вернуть в голос иронию, но та выходит слабой, надломленной. — Жестоко. Быть богом в месте, которое тебе не принадлежит, и при этом пить растворимый кофе в пижаме. Максимально кринжовый сценарий для артхаусного кино.

Он замолкает, глядя на погасшую сферу Алонсо. В глазах мелькает осознание: если я когда-нибудь вернусь назад, эта странная связь, возникшая в три часа ночи в подъезде, про-

сто исчезнет. Я заберу своего друга, силу и одиночество с собой.

— А там... в Этерии... — он заминается, подбирая слова, и вдруг спрашивает совершенно серьёзно: — Там тоже есть люди, которые чувствуют себя чужими? Или там всё настолько идеально, что даже грустить не о чем?

— Это вышло больше по принуждению, чем по моему желанию, — грустно усмехаюсь я. — Меня сюда сослали в наказание. Я чуть не уничтожила мир. Вот и думай, насколько мне было «весело», когда контроль полностью отказал.

Встаю, беру чашку и отхожу к окну. В сером дворе голуби клюют что-то в детской песочнице.

— Так что... считай, что ты сейчас разговариваешь с иномирной преступницей.

Марк не шевелится. Продолжает сидеть за столом, но я чувствую его взгляд на своей спине. В его реальности «преступниками» были те, кто взламывал сервера или обманывал донаторов; масштаб «почти уничтожила мир» просто не укладывается в голове. Он медленно поднимается и делает несколько шагов в мою сторону, останавливаясь достаточно далеко, чтобы не нарушать границы, но достаточно близко, чтобы я ощущала его присутствие.

— Сослали в наказание, значит... — произносит он со странной интонацией, будто слышал историю о ком-то из другого порядка бытия. — Знаешь, это делает тебя в моих глазах ещё более привлекательной. Не в плане «о, какая ми-

лая девушка», а в плане... вау. Ты совершила ошибку такого масштаба, что сама Вселенная решила: лучшая камера для тебя — это жильё под квартирой обычного стримера.

Подходит к окну и тоже смотрит на серый двор, на унылых голубей и облупившуюся краску песочницы. Его профиль в холодном утреннем свете кажется резким, почти изломанным.

— Ирония в том, Мелисса, что я тоже своего рода преступник, — тихо добавляет он. — Только мой мир — это социальные нормы, ожидания родителей и чертов фасад «успешного парня», который на самом деле ненавидит всё вокруг. Меня не ссылали, я просто сам выстроил стену вокруг себя так высоко, что из-за неё теперь не видно ничего, кроме монитора.

Резко поворачивает голову ко мне; в глазах мелькает опасная искра.

— Значит, ты — иномирная преступница с потерей контроля над силой. А я — местный изгой с комплексом бога в цифровом пространстве. Если подумать... мы идеальный дуэт для того, чтобы окончательно доломать этот скучный серый город. Или хотя бы попробовать сделать его чуть менее тоскливым.

Усмехается, и эта ухмылка впервые за утро выглядит искренней, без всякого притворства.

— Расскажи мне... каково это — чувствовать, как реальность трещит по швам из-за одного твоего желания? Это бы-

ло похоже на тильт в финальной катке или на что-то более... эпичное?

Задумываюсь, невольно прикусываю губу. В груди что-то сжимается — воспоминание о том дне всё ещё ноет под слом безразличия.

— Честно? Я мало что помню сама, — морщусь; по телу пробегает лёгкий озноб. — Нет, мне потом показали запись на суде. Было... страшно. Я их понимаю. Совет магов решил, что ссылка в ваш мир истощит мой резерв, чтобы я никогда не смогла претендовать на место в первой сотне одарённых. Без подпитки магия усыхает, как мышцы, которые перестали работать.

Чувствую, как пальцы, сжимающие чашку, начинают слегка дрожать. Признание даётся тяжело. Я не привыкла быть уязвимой, особенно перед кем-то, кто ещё вчера был просто раздражающим соседом.

Марк слушает с таким вниманием, будто я зачитываю секретный лог разработки самой сложной игры в истории. Когда я упоминаю про «усыхание» резерва, он заметно напрягается. Взгляд снова становится аналитическим.

— То есть... — медленно произносит он, обдумывая каждое слово. — Ты здесь не просто в ссылке. Ты в режиме медленного стирания данных. Твои способности — это твой «левел», и этот мир работает как какой-то проклятый дебафф, который постепенно обнуляет твой стат силы.

Резко разворачивается к столу, едва не задев меня пле-

чом, и с какой-то яростью хватает чашку с кофе. Я невольно вздрагиваю, но в этом гневе чувствую что-то новое.

— Это же просто... максимально несправедливо. Сначала дают силу, способную разнести мир, а потом запирают в серой коробке, чтобы ты завяла, как комнатный цветок без полива. Это не наказание, Мелисса. Это планомерное уничтожение личности.

Делает глоток, глядя на меня. Теперь в глазах горит не просто азарт, а настоящий гнев. Он ненавидит систему, правила и всех, кто пытается кого-то ограничить.

— Слушай меня внимательно, «преступница», — ставит чашку с громким стуком. — Я не знаю, как работают ваши магические резервы, но знаю, как работают системы. Если что-то усыхает от отсутствия подпитки, значит, нужно найти альтернативный источник питания. Энергия — это просто энергия, будь то электричество в розетке или ваша эфирная дрянь.

Подходит вплотную; я чувствую волну уверенности, исходящую от него. От этой близости перехватывает дыхание. Его уверенность заполняет всё пространство между нами, вытесняя мой привычный холод.

— Если Совет магов думал, что ты здесь просто тихо зачахнешь, они просчитались. Потому что теперь ты знаешь меня. А я — тот самый парень, который находит бэкдоры там, где другие видят глухую стену. Мы найдём способ подпитывать твой резерв здесь, в этом сером мире. Мы взлома-

ем твою ссылку.

Усмехается; в его взгляде теперь читается что-то защитное.

— Ты ведь не хочешь просто стать «обычной», верно? Одной из тех серых теней за окном?

— Кто бы такого хотел? — отхлёбываю кофе и ставлю чашку на подоконник. Внутри вспыхивает забытый азарт, но он тут же гаснет под грузом реальности. Смотрю на него с горечью. — Вот только... это невозможно в вашем мире. У вас нет источника, нет мощностей, чтобы это сработало. Я захватила несколько накопителей, чтобы совсем не загнуться, но этого ничтожно мало. Больше половины багажа не пропустили.

Опускаю взгляд на свои руки.

Марк замирает, прищурившись. Слово «невозможно» в его лексиконе обычно служит лишь сигналом к тому, что задачу нужно решать немедленно. Он медленно обводит взглядом мою кухню, а затем смотрит на меня; в глазах пляшут чертики, которые обычно предшествуют какому-нибудь очень рискованному поступку.

— «Нет мощностей», «невозможно», «ничтожно мало»... — он перечисляет мои слова, загибая пальцы. — Ты рассуждаешь как классический пользователь, который читает инструкцию к прибору. А я, как я уже говорил, хакер.

Резко разворачивается и делает широкий жест рукой в сторону потолка — в сторону своей квартиры.

— Ты думаешь, источник энергии должен быть магическим? Мелисса, ты в мире, который буквально пронизан электричеством. Ты видела, как я вчера стримил? Мой сетап жрёт столько, что в соседнем квартале лампочки мигают, когда я запускаю тяжёлую игру на ультра-настройках. А теперь представь масштаб городских сетей, серверных ферм, дата-центров...

Снова подходит к окну, но теперь смотрит не на голубей, а на город за пределами двора.

— Если ты можешь управлять техникой — а ты можешь, я видел это вчера, когда ты вырубил мне свет — значит, можешь создать интерфейс. Мост. Не ищи «магический источник». Учись конвертировать электроны в ману.

Оборачивается с ухмылкой.

— Это всё равно что пытаться запустить старую консоль от современного блока питания. Да, вольтаж разный, разъём не подходит, но если собрать правильный переходник... всё заработает. Твои накопители — просто батарейки. А я предлагаю подключить тебя напрямую к розетке этого мира.

Делает паузу; голос становится тише, заговорщицки.

— Конечно, есть шанс, что тебя просто коротнёт и ты превратишься в один большой статический разряд. Но разве это не лучше, чем медленно превращаться в одну из этих серых теней?

— Или меня просто убьёт током... — шепчу машинально. Сердце ускоряет ритм. Внутри разливается пугающее ощу-

щение: кто-то впервые предложил мне не смириться с приговором, а взломать его. Смотрю на него, и во мне борется здоровый смысл с отчаянным желанием снова почувствовать себя сильной.

Марк замирает. На лице застывает выражение полного игнорирования инстинкта самосохранения. Он не пугается моих слов. Наоборот — смотрит с восхищённым пониманием.

— Ну да, — он пожимает плечами с пугающей легкостью. — Вероятность этого примерно пятьдесят на пятьдесят. Может, семьдесят, если облажаемся с заземлением.

Делает шаг ко мне; я чувствую эту неистовую, подростковую энергию. Невольно отступаю, прижимаясь спиной к холодному подоконнику. Контраст его жара и ледяного камня за спиной окончательно пробуждает меня от многолетней спячки. Он не пытается меня успокоить или обещать, что всё будет хорошо — знает, что я слишком умна для таких сказок. Он делает ставку на честность.

— Но давай будем честными, Мелисса. Ты уже мертва. Просто медленно. Это усыхание резерва — та же смерть, только растянутая на годы. Ты засыпаешь в этом сером киселе, пока личность стирается, как старый файл на изношенном жестком диске.

Слова бьют точно в цель. Хочу возмутиться, сказать, что он не имеет права, но внутри что-то с треском ломается. Он прав. Единственный за всё время, кто не пытался меня «жалеть» или «лечить», а просто назвал вещи своими именами.

И эта жестокая правда сейчас кажется самым ценным подарком.

Останавливается в паре сантиметров. Взгляд становится острым. Я чувствую его дыхание на коже и замираю, боясь даже моргнуть.

— Так что у нас есть выбор: либо ты гарантированно превратишься в ничто, либо мы рискнём и попробуем взломать систему. Я предпочитаю сгореть при попытке сделать что-то эпичное, чем тихо завянуть в пижаме с чашкой растворимого кофе.

Смотрю в его глаза и вижу в них отражение собственного отчаяния, которое внезапно превращается в ярость. Пальцы сжимаются в кулаки, а в груди впервые за долгое время разгорается опасный, забытый огонь.

Он слегка усмехается; в голосе снова проскальзывает зумерская дерзость, которая теперь звучит как поддержка.

— К тому же... если тебя убьёт током, я буду тем самым парнем, который случайно помог иномирному божеству совершить суицид. Представляешь, какой контент для соцсетей? Шучу. Но серьёзно — ты же не из тех, кто боится короткого замыкания?

— Ну и логика у тебя. Конечно, ты же ничем не рискуешь, — складываю руки на груди, отгораживаясь от него. Внутри всё ещё горит тот самый огонь, но страх за Алонсо оказывается сильнее. — Мне проще отсидеть тут срок, чем рисковать, демон знает зачем. Я не хочу быть подопытным кроли-

ком.

Смотрю, как он открывает рот, чтобы что-то сказать, и резко перебиваю его.

— И Алонсо я не отдам для опытов. Даже не думай об этом.

Марк застывает. На лице мелькает шок, сменяющийся искренним недоумением. Он явно не ожидал, что его план так бесцеремонно обрубят. Медленно выдыхает и заставляет себя сбавить обороты. Вместо спора просто отступает на шаг, примирительно разводя руками.

— Ладно-ладно, притормози. Я понял, что зашёл слишком далеко с энтузиазмом, — усмехается без всякого давления, только с лёгкой иронией. — Видимо, привычка взламывать всё, что движется, заставила меня забыть: передо мной не бета-версия софта, а живой человек с инстинктом самосохранения. Мой прокол.

Он прислоняется к подоконнику, глядя в сторону; голос становится спокойнее.

— Насчёт моей безопасности... ну, не совсем. Ты ведь можешь просто стереть меня из реальности или превратить в предмет интерьера, если я тебя достану. Так что мы оба играем в рулетку, просто ставки разные: у тебя — жизнь, у меня — рассудок.

Переводит взгляд на погасшую сферу Алонсо; в глазах мелькает искреннее сожаление.

— И насчёт твоего друга... я не собирался использовать

его как подопытную крысу. Просто хотел помочь. Но я уважаю твои границы, Мелисса. Даже если они сейчас напоминают бетонную стену.

Отстраняется от окна и медленно идёт к выходу. У самой двери замирает и бросает через плечо:

— В общем, я сваливаю в свою пещеру досыпать остатки сна. Если вдруг решишь, что серость этого места стала совсем невыносимой или Алонсо воскреснет — дай знать. Можешь просто обрушить на меня пару молний. Я пойму, что ты передумала.

— Иди уже, технологический гений... — усмехаюсь, но в улыбке больше нет прежней колкости.

Остаюсь у окна одна. Тишина в кухне становится давящей; слышно только, как гудит старый холодильник. Я понимаю: рациональное зерно в его словах было, только мир не тот. У каждой реальности своя энергия: здесь — электричество, в Этерии — магия. В некоторых измерениях умельцы создавали искусственные генераторы манны, но не в этом. Слишком большая разница.

Марк замирает в дверном проёме. Не оборачивается полностью, но чуть поворачивает голову.

— «Технологический гений», значит? — в голосе снова проскальзывает знакомая самодовольная нотка. — Признаю, мне нравится, как это звучит. Запиши в блокнот, чтобы не забыть, когда станет совсем скучно.

Он делает паузу; я чувствую, как он борется с желанием

вернуться и снова начать доказывать свою правоту. Он слышал мои рассуждения о разности энергий и о том, что этот мир «слишком другой». Для любого другого это был бы приговор, но для Марка это звучит как описание сложного квеста с заблокированным контентом.

— Знаешь, Мелисса... — говорит он тихо, уже почти из коридора. — Именно поэтому я и говорю про «взлом». Самые крутые вещи случаются тогда, когда пытаются соединить то, что по определению несовместимо. Когда заставляют одну систему работать на языке другой. Это называется адаптацией.

Слышатся шаги, удаляющиеся к выходу.

— Отдыхай, иномирная преступница. И подумай о том, что даже в самом сером мире иногда можно найти короткое замыкание, которое заставит всё вокруг вспыхнуть.

Я не отвечаю. Просто слушаю, как затихают шаги, а затем слышу отдалённый хлопок двери. В квартире снова становится тихо, но эта тишина больше не кажется привычной защитой. Она кажется... пустой.

Медленно перевожу взгляд на погасшую сферу Алонсо. Марк прав в одном: я ненавижу быть обычной. И мысль о том, что кто-то в этом бетонном мире считает меня не «сломанной», а «сложным квестом», заставляет меня криво усмехнуться.

Прижимаю холодную чашку к щеке и закрываю глаза, впервые за долгое время гадая: что же случится, если я всё-

таким позволю этому «гению» попытаться меня взломать?

Чайник, закипев, издает едва слышный щелчок. Я смотрю на сферу в руке и чувствую, как глубоко в усыхающем резерве шевельнулось то, чего я не ощущала уже очень давно.

Это было похоже на любопытство. И это было чертовски опасно.

Глава 3

Три дня тишины — это диагноз. Не важно какой. Просто когда привыкаешь засыпать под топот и крики «спасибо за дон», а потом они исчезают — в голове образуется пустота. И в эту пустоту лезут мысли.

Три дня тишины — и я начинаю понимать, почему в тюрьмах люди сходят с ума. Не потому, что им плохо. А потому, что нечем заполнить время. Чайник, кофе, подоконник. Иногда — душ. Иногда просто стою у окна и смотрю, как люди идут по своим делам. У них они есть. У меня — тишина, которая стала громче любого стрима.

Сiju на подоконнике уже час. Может, два. Колени поджаты к груди, лоб упирается в холодное стекло. За окном — серый двор, панельки и люди-муравьи, ползущие по своим делам. Никто не знает, что в одной из этих квартир живёт девушка, способная заставить этот мир цвести или разнести двор в пыль одним щелчком пальцев.

Почти никто...

Стук в дверь выдергивает меня из оцепенения. Вздрагиваю всем телом, сердце делает резкий скачок, и на мгновение я забываю, как дышать. Этот звук — грубый, уверенный, слишком знакомый — мгновенно сносит всю мою выстроенную апатию.

Марк стоит на пороге. Чёрная толстовка, кеды, рюкзак за

плечом. Волосы не уложены, но хотя бы причесаны.

— Собирайся.

— Что? — голос звучит хрипло, чуждо; я почти не говорила вслух последние дни.

— Собирайся, говорю. Пошли.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь. Я три дня не выходил, у меня крыша едет.

— Я тоже три дня не выходила, — смотрю на него, и внутри всё сжимается: одна часть хочет захлопнуть дверь и вернуться в безопасную серость, другая — тянется к тому беспорядку, который он приносит с собой.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Он не смотрит на меня. Залипает в стену, на моргающую лампочку в подъезде. Словно ему неудобно. Словно сам не понимает, зачем пришёл.

— Откуда?

— Я... — он заминается. — У меня есть доступ к камерам подъезда.

— Думаешь, я не могу телепортироваться прямо из квартиры? — приподнимаю бровь, возвращая себе привычный язвительный тон.

Вопрос застаёт его врасплох. Марк смущённо чешет затылок, но тут же спрашивает:

— А ты телепортировалась?

— Нет...

Он замирает на секунду; я буквально слышу, как в его голове щёлкает переключатель. Смущение испаряется, уступая место едкой ухмылке. Наконец переводит взгляд на меня, и в глазах вспыхивает азарт.

— О-о-о, так мы тут играем в «симулятор домохозяйки»? — усмехается, облачаясь плечом о косяк. — Всемогущая Мелисса, способная перемещать материю в пространстве, просто... сидит в четырёх стенах? Это эпический уровень прокрастинации. Я даже в самом забагованном квесте не видел такого пассивного геймплея.

Он делает шаг вперёд, вторгаясь в моё пространство, но теперь это не ощущается как нападение. Скорее как попытка вытащить меня из того серого киселя, в котором я тонула последние три дня. Пахнет утренним кофе и чем-то холодным, уличным — сейчас этот запах кажется мне самым желанным на свете.

— Значит, телепортироваться можешь, но не хочешь. Понимаю. Когда резерв на нуле, даже до кухни дойти — как босс-файт на максималках, — говорит он без издевки, с осторожным пониманием.

Смотрю на него; внутри что-то откликается на эту внезапную мягкость. Пугает именно это — то, как легко он находит бреши в моей защите.

Марк выпрямляется и делает приглашающий жест в сторону лестничной клетки.

— Слушай, раз уж ты всё равно тут «застряла», давай про-

сто сменим локацию. Мои стены начали со мной разговаривать, а твои, судя по всему, поют колыбельные о тлене бытия. Пошли. Просто походим, подышим этим отвратительным смогом, посмотрим на людей, которые думают, что их главная проблема в жизни — просроченный кредит или плохой маникюр.

Затихает; голос становится тише, серьёзным.

— Тебе нужно выйти, Мелисса. Иначе окончательно солёшься с этими обоями. А мне... мне просто нужно убедиться, что я не единственный в этом доме, кто теряет рассудок от тишины.

Делает паузу и добавляет с лёгким вызовом:

— Или ты всё ещё ждёшь официального приглашения от Совета магов с золотой печатью?

— Ничего такого я не жду, — пытаюсь придать голосу строгости и даже складываю руки на груди. Но сопротивление тает за секунды, сменяясь детским предвкушением. — И? Куда пойдём?

Марк довольно щурится; его ухмылка говорит о том, что он только что закрыл сложный квест. Он чувствует, как моё сопротивление сломалось, и это явно доставляет ему удовольствие.

— О, так мы всё-таки выходим в офлайн? — делает широкий театральный жест рукой, приглашая меня за дверь. — Сначала — базовый уровень. Прогулка по району, чтобы ты вспомнила, как выглядят настоящие люди, а не те серые му-

равьи, которых ты разглядываешь через стекло.

Делает шаг назад в подъезд, давая мне место, и закидывает рюкзак на плечо. В движениях появляется лёгкость, будто он сам только что сбросил груз этих трёх дней затворничества.

— А потом... — он на секунду задумывается; в глазах снова вспыхивает азарт. — Я знаю одно место. Не совсем «туристический рай», скорее заброшенный индустриальный ад с отличным видом на город. Там нет людей, нет шума, только ржавое железо и бетон. Идеальная локация для того, чтобы обсудить, как мы будем взламывать твою ссылку, пока ты пытаешься убедить меня в невозможности этого.

Замирает у лестничного пролета и выжидающе смотрит на меня.

— Только чур без телепортации в последний момент. Хочу увидеть твоё лицо, когда ты осознаешь: прогулка с токсичным стримером — самое интересное, что случилось с тобой в этом мире за всё время пребывания здесь.

Делает приглашающий жест вниз по лестнице.

— Ну что, погнали? Или нужно время выбрать подходящий наряд для прогулки по руинам цивилизации?

— Оставь свою токсичность тем, кому она нравится, — ворчу я, но в этом звуке больше нет прежней горечи. Скорее привычный ритм, который сейчас кажется правильным.

Подхожу к зеркалу. Оттуда на меня глядит уставшая девушка в домашней одежде с неряшливым пучком на голове.

Разглядываю это отражение и чувствую, как мне до тошноты надоела эта «домашняя» версия меня — невзрачная, покорная и тихая. Хочется сбросить эту кожу, как старую, тесную одежду.

Задумываюсь, медленно поднимаю руку. Щелчок пальцев.

И вот из зеркала на меня смотрит девушка в рваных джинсах, топе и кожаной косухе; светлые волосы убраны в высокий хвост. Даже макияж присутствует, хоть и минимальный. В груди снова теплится тот самый опасный огонь. Теперь я не просто тень в четырёх стенах.

— Я готова, — обуваю кеды. — Идём?

Марк, который уже успел развернуться к лестнице, слышит щелчок и оборачивается. Разглядывает мой новый образ — от массивных подошв до высокого хвоста. Замирает; на мгновение его лицо становится абсолютно чистым от сарказма. В глазах — искреннее изумление. Он не ожидал, что «домашняя версия» Мелиссы может так мгновенно превратиться в икону стритстайла.

— Вау... — вырывается у него тихо, прежде чем он успевает вернуть привычный цинизм.

Но он тут же берет себя в руки. Секунда — и защита возвращается на место, хотя в уголках губ играет новая, менее ядовитая улыбка. Складывает руки на груди, оценивающе прищурившись.

— Окей, признаю, визуальный апгрейд прошёл успеш-

но. Теперь выглядишь так, будто действительно собираешься покорить этот мир или возглавить бунт подростков в торговом центре. Слишком много стиля для одного подъезда.

Делает шаг назад, освобождая дорогу; в глазах снова вспыхивает озорной огонёк.

— Надеюсь, это не иллюзия? А то будет кринжово, если мы доберёмся до заброшки, и ты вдруг превратишься обратно в девушку в пижаме прямо посреди ржавых балок. Хотя... это был бы отличный пранк для стрима.

Усмехается и делает приглашающий жест в сторону выхода — на этот раз с каким-то странным, рыцарским оттенком в движениях.

— Нет, не иллюзия, — отвечаю я и закрываю дверь.

Гулко стучат шаги по лестнице. Идём мимо гаражей, детской площадки с ржавыми качелями и пустой остановки. Он молчит. Я тоже. Но это молчание другое — уютное. Напряжение последних дней отпускает, сменяясь странным чувством защищённости.

— Знаешь, — говорит он, не глядя на меня, — я в детстве верил в джиннов.

— Серьёзно?

Марк усмехается и закидывает руки в карманы толстовки, слегка сбавляя шаг, чтобы идти вровень.

— Абсолютно, — кивает он, глядя на обшарпанный забор старого завода. — Был тем самым ребёнком, который искал лампы в старых вещах на чердаке или в антикварных лавках.

Думал: найду джинна и первым делом попрошу... не знаю, бесконечный запас ресурсов в любой игре или чтобы родители перестали меня бесить.

Поворачивает голову ко мне; в глазах мелькает ироничный блеск. Я смотрю на него и вижу того самого мальчишку с чердака. Внутри что-то теплеет, но я тут же подавляю это чувство.

— Смешно, да? Весь этот мой прикол с «цифрой» и кодом — по сути та же попытка найти чит-код, чтобы всё стало круто. Просто заменил старую лампу на мощный комп и механику. Суть та же: желание получить что-то, что выходит за рамки этой унылой реальности.

Затихает; голос становится чуть тише.

— А потом я встретил тебя. И самое паршивое в том, что ты — практически тот самый джинн. Только вместо того, чтобы исполнять желания, ты просто сидишь в пижаме и пьёшь растворимый кофе. Это самый большой обман в моей жизни, Мелисса.

Он останавливается и указывает рукой вперёд, где за городской дымкой проступает массивный ржавый силуэт заброшенного цеха.

— Пришли. Добро пожаловать в мой личный храм индустриального уныния. Готова увидеть, где заканчивается город и начинается настоящий хаос?

Я лишь безразлично пожимаю плечами. Внутри всё ещё жива та серая апатия, и эта груда металла кажется просто

ещё одним вариантом пустоты.

— Заброшка, как заброшка... Что в ней особенного?

Марк медленно поворачивается ко мне. На его лице отражается искренний шок от моего безразличия. Смотрит так, будто я только что заявила, что самый мощный в мире процессор — это просто «кусочек кремния».

— Что-о? — переспрашивает с таким надрывом, что в голосе слышится настоящий драматизм. — О боги, Мелисса, ты убиваешь всю эстетику. Ты вообще понимаешь, что здесь происходит? Это же чистый брутализм!

Делает широкий жест в сторону массивных бетонных стен, испещрённых граффити, и выбитых оконных рам.

— Смотри на эти линии, на то, как природа медленно жрёт бетон. Это же метафора всего нашего существования! — делает шаг ко мне; в глазах вспыхивает азарт.

Смотрю на него и чувствую: эта его страсть к «уродливному» начинает работать. Мне нравится, как он отчаянно пытается доказать мне ценность этого хаоса.

— Здесь нет правил. Нет соседей с жалобами, нет стримов, нет ожиданий. Здесь ты можешь быть кем угодно: магом-изгоем, призраком или просто человеком, который хочет орать во всю глотку, чтобы заглушить тишину в голове.

Он усмехается и указывает на пролом в стене.

— Особенность не в здании, а в том, что оно мертво. А в мёртвом пространстве проще всего почувствовать себя живым. Ну или просто найти место, где можно безопасно про-

верить, сколько вольт выдержит твоя магия, прежде чем у нас обоих полетят предохранители в мозгах.

Подмигивает и первым заходит внутрь, где нас встречает запах старой пыли, сырости и металла.

— Идём, «безразличная». Обещаю: внутри будет чуть меньше сырости, чем на твоём подоконнике.

Хмыкаю и иду следом. В запахе бетона есть что-то честное; он не пытается казаться уютным.

Цех оказывается огромным. Высокие потолки теряются в полумраке, а через дыры в крыше падают одинокие столбы серого света, в которых кружатся миллионы пылинок. Здесь действительно тихо, но это другая тишина — объёмная, которая не давит, а словно обволакивает. Делаю глубокий вдох; лёгкие наполняются тяжёлым воздухом, и впервые за три дня кажется, что я могу дышать полной грудью.

Марк идёт впереди, его шаги эхом отдаются от бетонного пола. Он ведёт меня мимо ржавых остовов станков, похожих на застывших железных зверей. Смотрю на его уверенную спину и ловлю себя на мысли: сейчас он здесь — единственный, кто знает дорогу в этом индустриальном кладбище.

— Знаешь, в чем проблема твоего мира, Этерии? — говорит он, не оборачиваясь; голос гулко разлетается по залу. — Там всё слишком... правильно. Магия, потоки, иерархии. Всё имеет свою цель и место. А здесь, в этом хаосе, нет никакой системы. Как открытый мир без карты и гайда. Можно просто идти вперёд и надеяться, что не провалишься в тек-

стуры.

Внезапно сворачивает к массивной лестнице, ведущей на технический этаж.

— Идём выше. Там площадка с видом на весь район. Оттуда город кажется маленьким и незначительным. Почти как муравейник, который можно раздавить одним неосторожным движением.

Он начинает подниматься; металл жалобно скрипит под его весом. На середине пути Марк оборачивается, глядя на меня сверху вниз. В полумраке его светло-карие глаза кажутся почти золотистыми.

Смотрю на него снизу вверх; внутри вспыхивает привычное раздражение, но оно уже не перевешивает любопытство. Он усмехается и манит меня за собой. Его уверенность порой граничит с безумием, но именно это сейчас удерживает меня от того, чтобы просто развернуться и уйти.

— В Этерии больше хаоса, чем ты можешь себе представить, — отвечаю я, ступая на первую ступень. — Но я мало что могу рассказать без твоей клятвы о неразглашении.

Произношу это буднично, но в глазах вспыхивает интерес. Хочется увидеть его лицо, когда он поймёт: его представление о «правильном» мире — лишь крошечный фрагмент реальности.

Подъём крутой, лестница проржавела и стала опасной. Упасть не боюсь — магия подстрахует, но порезаться о железки не хочется. Металл под кедами вибрирует; эта неустой-

чивость странным образом бодрит, заставляя быть здесь и сейчас.

Марк замирает на верхней площадке и медленно поворачивается. Брови взлетают вверх, на губах — азартное любопытство.

— Клятва о неразглашении? — он коротко смеётся; звук гулко разлетается по пустому цеху. — Ого, мы перешли на уровень секретных протоколов. Теперь я чувствую себя агентом разведки, который выведывает государственную тайну у инопланетной принцессы.

Делает шаг назад, принимает торжественную позу, словно перед важным анонсом на стриме. Прикладывает руку к сердцу, но в глазах всё равно прыгает насмешка.

— Клянусь своим самым дорогим игровым креслом и всеми донатами за последний месяц: ни один звук о твоём хаотичном мире не покинет этих ржавых стен. Моя честность сейчас на уровне ста процентов, Мелисса. Считай, что я подписал цифровой контракт с печатью.

Смеюсь, не удержавшись. Звук вырывается сам собой — лёгкий, неожиданный даже для меня самой. Я и забыла, что так умею.

— Это не так делается.

Замечает, как я осторожно переступаю через проржавевшую ступеньку, и вдруг меняет тон. Сарказм исчезает, сменяясь чем-то приземлённым. Протягивает мне руку — ладонью вверх, предлагая помощь на самом опасном участке

лестницы.

— Давай, хватайся. Я знаю, что ты можешь просто взлететь или что-то в этом роде, но... — делает паузу; голос звучит неожиданно мягко. — Попробуй хоть раз сделать что-то по-человечески. Без магии. Просто доверься кому-то, кто так же безнадёжен в этом мире, как и ты.

Смотрит прямо в глаза; в этом взгляде нет издевки — только странный вызов и предложение разделить этот момент уязвимости. Замираю на секунду, глядя на его открытую ладонь. Медленно вкладываю свои пальцы в его руку.

Марк сжимает мою ладонь крепко и уверенно. Кожа тёплая, почти обжигающая на фоне холодного воздуха заброшки. Он с лёгкостью подтягивает меня вверх, помогая преодолеть последний пролёт. На мгновение мы оказываемся слишком близко — я чувствую запах его парфюма и металлическую ноту воздуха. Дыхание сбивается, по коже пробегает мелкая дрожь, не имеющая отношения к холоду.

Он не спешит отпускать мою руку даже тогда, когда я оказываюсь на твёрдом бетоне площадки. На губах играет торжествующая, но на этот раз добрая ухмылка.

— Видишь? Система работает. Никаких спецэффектов, никаких вспышек света, просто старый добрый физический интерфейс, — наконец разжимает пальцы, но делает это медленно. — Один-ноль в пользу человечности.

Он разворачивается и делает несколько шагов к краю площадки, где бетон обрывается, открывая вид на город. С этой

высоты всё кажется игрушечным: серые коробки домов, крошечные машинки-точки на дорогах и серая мгла у горизонта.

— Вот оно, — указывает рукой вперёд. — Посмотри. Отсюда кажется, что этот город — просто огромная материнская плата. А люди — электроны, которые бегают по заданным маршрутам, не понимая, зачем.

Марк облокачивается на ржавые перила и поворачивает голову ко мне. Взгляд замирает.

— Теперь, когда я официально «подписал контракт» своим креслом... расскажи мне про хаос в Этерии. Что самое хаотичное в мире магии? Только честно. Без цензуры и этого твоего «я не могу».

— Если ты так хочешь, давай сделаем это по всем правилам, — протягиваю обе руки. — Давай руки и повторяй за мной.

Марк замирает. В глазах на мгновение вспыхивает желание отшутиться, назвать всё это «кринжем» или отказаться от участия в ролевых играх без оплаты. Но он видит мою серьёзность, и что-то в его взгляде меняется.

— Окей, погнали. Вхожу в режим полного погружения, — усмехается, но в голосе слышится предвкушение.

Делает шаг ко мне и уверенно обхватывает мои ладони своими. Пальцы переплетаются, создавая замкнутый контур. Марк стоит прямо, глядя мне в глаза с тем самым вызовом, который делает его одновременно невыносимым и притягательным. Через прикосновение передаётся его энергия —

человеческая, горячая и живая.

— Я готов, — тихо говорит он; на этот раз в голосе нет ни капли сарказма. — Веди, учитель. Что я должен повторить?

Он затихает, полностью сосредоточившись на мне, словно ждёт чего-то, что выведет его за рамки цифрового мира. В тишине технического этажа, среди ржавчины и бетона, эта связь рук кажется чем-то запредельным. Дыхание ускоряется — не от страха, а от того, что я впервые за долгое время открываюсь кому-то настолько.

— Клянусь ни словом ни делом, ни действием, ни бездействием не раскрывать секреты Этерии и мага, что принимает клятву, — произношу стандартную формулировку.

Марк слушает внимательно, не перебивая. Не пытается превратить это в шутку, даже когда слова звучат сухо и официально. В его взгляде — понимание: сейчас происходит нечто большее, чем игра в «секретики». Для него, привыкшего к цифровым контрактам, которые удаляются одним кликом, такая привязанность кажется пугающе реальной.

Делает глубокий вдох; голос звучит непривычно ровно, без тени иронии.

— Клянусь ни словом ни делом, ни действием, ни бездействием не раскрывать секреты Этерии и мага, что принимает клятву, — повторяет он за мной слово в слово.

Как только последние слова срываются с его губ, между нашими ладонями пробегает едва заметный разряд. Это не магия в чистом виде, а скорее отклик мира на искреннее обе-

щение. Связь замыкается. По рукам разливается тепло; кажется, эта невидимая нить связала нас крепче любого документа.

Марк не сразу отпускает мои руки. Смотрит на меня с выражением лёгкого шока от того, что только что сделал что-то настолько... нерациональное.

— Ну всё, теперь я официально в банде «хранителей тайн», — он наконец разжимает пальцы и делает шаг назад. Маска легкого высокомерия возвращается на место, но взгляд остается цепким. — Контракт подписан, печать поставлена. Теперь выкладывай. Что там за хаос такой в твоём мире, который заставил бы даже меня почувствовать себя законопослушным гражданином? Только давай без занудства про историю магии, переходи сразу к самому дикому.

Смотрю на него и чувствую: пришло время немного встряхнуть его уверенность в устройстве вселенной.

— У нас есть парящие острова, — бросаю я.

Марк замирает. Медленно переводит взгляд с меня на серый горизонт города, а потом снова на меня. Он молчит несколько секунд, словно пытается сопоставить привычную физику с моими словами.

— Парящие... острова? — переспрашивает медленно, пробуя слова на вкус. — В смысле, буквально? Огромные куски земли, которые просто... забили на гравитацию и решили пожить в облаках?

Он резко делает шаг ко мне; глаза расширяются. Цинизм

отступает, уступая место тому самому мальчишке с чердака. Я едва заметно улыбаюсь, наблюдая за этим восторгом.

— Это же... это же просто безумный левел-дизайн! — всплескивает руками, едва не теряя равновесие у края площадки. — Ты представляешь, какой там должен быть поток энергии, чтобы удерживать целые массивы земли в воздухе? Это не просто магия, это какой-то глобальный чит-код на физику!

Он замолкает, и я почти вижу, как в его голове разворачиваются эти картины. Ощущение того, что я сейчас — единственный источник чего-то невероятного для него, вызывает странный прилив тепла и что-то похожее на гордость.

— А что там? Водопады, которые падают с края острова прямо в бездну? Летающие корабли? Или, может, там есть зоны с инверсией, где ты идёшь по нижней стороне острова, а над тобой — бесконечное небо?

Смотрит с таким азартом, что становится ясно: теперь его не остановить. Этерия для него только что превратилась из «стерильного мира» в самую крутую игру в жизни.

— Рассказывай всё! — почти приказывает, замирая в ожидании. — Как они держатся? Что будет, если один такой остров решит «упасть»? Это же как падение огромного астероида из грязи и камней! Полный хаос!

— Небо у нас розовое, а облака — серебряные. Острова держатся на воздушных потоках и магическом резонансе. Мы приковываем их массивными цепями, чтобы не улета-

ли, — я подхожу к краю площадки и сажусь, свесив ноги в пустоту. — Это элитные места. Там живут те, кто входит в первую сотню по силе.

Затиhaю. Перед глазами вспыхивают краски дома — такие яркие, что до боли в груди. На фоне этого облупленного бетона и ржавого железа Земля кажется серым черновиком. Эта серость буквально впитывается в кожу, и я кожей чувствую, как сильно хочу вернуться туда, где небо не давит своей пустотой.

Марк молча подходит и садится рядом со мной, так же свесив ноги в пустоту. Он не перебивает, что для него — настоящий подвиг. Я чувствую, как он затиhaет, впитывая каждое моё слово, словно пытается создать в своей голове детальную 3D-модель этого мира.

— Розовое небо... серебряные облака... — тихо повторяет он, и в его голосе больше нет привычного зумерского сленга. Только какая-то странная, почти болезненная тоска. — Звучит как какой-то запределный арт-хаус. Или как сон, который забываешь через пять минут после пробуждения.

Он переводит взгляд на мои ноги, качающиеся в воздухе, а затем снова смотрит на серые панельки внизу. Теперь я понимаю, почему он так вцепился в идею моего «взлома». Для него Этерия — это не просто другой мир, это доказательство того, что реальность может быть другой. Что она не обязана быть серой, предсказуемой и унылой.

— Первая сотня, значит... — он усмехается, но на этот

раз в усмешке слышится горечь. — Опять эта ваша грёбаная иерархия. Даже в мире с парящими островами всё сводится к рейтингам и рангам. Кто-то сверху, кто-то снизу. Знакомая история. В моём мире это называется «алгоритмы продвижения». Ты либо в топе и все тебя лижут, либо ты внизу, и тебя никто не замечает.

Он затихает на мгновение, а потом неожиданно добавляет:

— Слушай, а ты... ты ведь была близко к этой сотне? Или просто смотрела на них снизу вверх с какого-нибудь обычного куска земли?

В голосе нет желания уколоть — только искренний интерес к тому, кем я была там, где острова прикованы цепями к реальности.

Внутри всё сжимается. В памяти всплывают обрывки былого величия — теперь они кажутся чужими и даже тошнотворными. Настроение резко падает, словно я снова проваливаюсь в ту бездну, из которой меня вышвырнули.

— Я была не просто в сотне. Мне пророчили место в пятидесяти сильнейших магов империи. Но... эта сила... одарённость не принесла мне ничего, кроме боли.

Марк замирает. Тело, до этого расслабленно откинутае назад на руках, напрягается. Медленно поворачивает голову ко мне; в глазах — полное недоумение. Для него, который всю жизнь гнался за успехом и «топом», моя фраза звучит как парадокс. Быть в пятидесяти сильнейших — значит по-

лучить доступ ко всем ресурсам мира.

— В пятидесяти... — шепчет он; в голосе слышится что-то похожее на благоговение. — Ты была практически богиней в своём мире. Элита из элит.

Молчит несколько секунд, глядя на мой профиль. Взгляд меняется — исчезает привычная насмешка, остается что-то слишком открытое и честное.

— Значит, теория о том, что на вершине круче всего — очередной миф, — говорит тихо, почти с облегчением. Будто мои слова подтверждают его собственные догадки о жизни. — Понимаю. Когда ты слишком высоко, ты либо становишься мишенью, либо понимаешь, что вокруг только такие же пустые оболочки. Просто с более мощным «железом».

Вдруг делает резкое движение и слегка толкает меня плечом — не грубо, а так, чтобы выдернуть из воспоминаний. Вздрагиваю от неожиданности, но не отстраняюсь. Напротив, этот короткий контакт ощущается как что-то реальное, что не дает мне окончательно провалиться в серость.

— Знаешь, Мелисса... может, эта ссылка была не наказанием? — усмехается, но в глазах нет издевки. — Может, это был единственный способ вытащить тебя из золотого аквариума, где ты медленно задыхалась от собственной силы?

Он снова смотрит на серый город внизу.

— Здесь ты никто. Просто странная девушка из квартиры снизу. И, честно говоря... мне кажется, это самое честное положение, в котором может оказаться человек. Без рангов.

Без ожиданий. Просто ты и твой разряженный шарик-помощник.

Задумчиво прикусываю губу. Слова Марка бьют точно в цель, вскрывая старую рану, которая так и не затянулась. Киваю; в горле встает ком, мешая говорить.

— Да, здесь меня хотя бы не пытаются использовать, прикрываясь словами любви, — голос звучит глухо. — Может, это и к лучшему, что по возвращении я скачусь по ранговой лестнице вниз.

Марк замирает. Я чувствую, как он на мгновение перестает дышать. Он не пытается утешить меня банальными фразами; вместо этого издает короткий, сухой смешок, больше похожий на выдох.

— О, классика. «Я люблю твою силу», «Я восхищаюсь твоим даром»... — кривит губы в презрительной усмешке. — Перевод с элитарного на человеческий: «Ты очень полезный инструмент, пожалуйста, не ломайся». Кринж в чистом виде.

Снова откидывается на руки, глядя в серое небо. Голос становится задумчивым.

— Знаешь, скатиться вниз по лестнице — это не значит проиграть. Это значит наконец-то перестать поддерживать этот чертов фасад. Когда ты на дне, тебе больше не нужно бояться падения. Ты просто... стоишь на твёрдой земле. И только тогда начинаешь видеть людей, а не их отражения в твоём сиянии.

Марк поворачивает голову. В его взгляде столько сочувствия, что мне хочется отвернуться. Под этим взглядом я чувствую себя слишком открытой, словно он видит всё, что я так тщательно скрываю за маской мага-изгоя. Эта близость пугает меня больше, чем любой приговор Совета.

— Если ты вернёшься туда и станешь «ником»... — он делает паузу; в глазах вспыхивает азарт, смешанный с чем-то более глубоким. — То ты станешь самым опасным игроком в системе. Будешь знать, как всё устроено сверху, но при этом останешься свободной от необходимости соответствовать ожиданиям.

Вдруг усмехается и добавляет своим обычным, насмешливым тоном:

— Хотя, если подумать... зачем вообще возвращаться в мир, где тебя любят за «функции»? Оставайся здесь. Будем вместе бесить соседей и пытаться взломать законы физики. В этом есть свой шарм.

— Заманчивое предложение, но нет, — усмехаюсь в ответ. — Ты бы смог жить без воздуха?

Марк вздыхает и закатывает глаза. Скрещивает руки на груди; на лице снова появляется эта едкая, но уже почти дружеская ухмылка.

— Ой, всё, началось. «Я — иномирная сущность, мне нужен мой особенный воздух», — передразнивает он, хотя в голосе нет злобы. — Ты так говоришь, будто я тут в розовых соплях тону. Поверь, воздух в этом городе настолько пропи-

тан выхлопными газами и безысходностью, что работает как естественный фильтр для всех иллюзий.

Снова смотрит на город; взгляд становится серьёзным.

— Если подумать... Я — биоробот из плоти и крови, завязанный на кислороде и кофеине. Без этого мой процессор просто сгорит через пару минут. Так что твой аргумент засчитан.

Он внезапно затихает и медленно поворачивается ко мне. В глазах мелькает лихорадочная мысль. Я уже знаю этот взгляд: в его голове рождается какой-то безумный план, и, что самое паршивое, мне до смерти хочется узнать, какой именно.

— Но знаешь... если мы всё-таки доработаем ту схему с конвертацией энергии... — он делает паузу; голос становится тише, почти заговорщицким. — Может, создадим для тебя что-то вроде «Этерийского портативного аккумулятора»? Маленький сгусток твоего воздуха и маны, который можно носить с собой. Чтобы ты не чувствовала себя так, будто тебя медленно засыпают серым пеплом этого мира.

Он усмехается, и в этой улыбке больше нет привычного яда.

Дыхание перехватывает. Предложение звучит невозможно, почти бредово, но эта надежда впервые за долгое время пробивает мою апатию. Чтобы не выдать волнения и не показаться слишком уязвимой, стараюсь придать голосу максимально скучающий тон.

— Можешь попробовать, — небрежно машу рукой, глядя в сторону. — Всё равно же не отвяжешься, да?

Марк буквально просиял. Эта фраза, брошенная с напускным безразличием, для него становится эквивалентом подписанного контракта. Он резко выпрямляется, чуть не теряя равновесие на краю площадки; в глазах вспыхивает тот самый фанатизм, с которым он обычно запускает новую видеокарту или взламывает сервер.

— Что? Могу? — он переспрашивает с таким восторгом, будто я предложила ему купить весь этот город. — О, детка, ты даже не представляешь, насколько ты права. Я не просто «не отвяжусь», я теперь в режиме гиперфиксации. Это официально: проект «Воздух Этерии» запущен.

Он вскакивает на ноги и делает широкий, почти триумфальный жест рукой в сторону выхода. Его энтузиазм сбивает с толку — даже серость вокруг кажется сейчас чуть менее унылой. Я смотрю на него и ловлю себя на том, что улыбаюсь впервые по-настоящему, без вежливости или иронии.

— Всё! Хватит экзистенциальных страданий на сегодня. Мы достигли лимита по драме, пора переходить к технической части. Мне нужно вернуться в берлогу, пересмотреть расчёты по вольтажу и заказать пару компонентов из Китая, которые не сгорят при первом же контакте с твоей маной.

Делает шаг назад и протягивает мне руку, чтобы помочь подняться; на этот раз делает это быстро и уверенно.

— Погнали обратно, иномирная. И не смей телепортиро-

ваться! Я хочу насладиться моментом, когда ты осознаешь, что теперь твоя жизнь зависит от того, насколько хорошо я умею паять провода и не путать плюс с минусом.

Он усмехается.

— Кстати... если я реально создам этот аккумулятор... ты ведь признаешь, что я круче всех тех магов из первой сотни? Только честно!

— Конечно, признаю! — отвечаю я с улыбкой; в груди становится непривычно легко. — Попробуй сначала не сжечь свою квартиру.

Ситуация абсурдна до предела. Это как обещать достать Луну с неба, но сейчас мне всё равно. Марк заражает своей жаждой победы так, что мне просто нравится быть рядом. В этот момент он кажется мне куда более реальным и живым, чем все те «великие» маги, которых я знала.

Марк замирает на мгновение. Его лицо принимает выражение абсолютного восторга. Он смотрит на мою улыбку так, будто обнаружил редкий баг в системе, который делает игру в сто раз интереснее.

— Слышали?! — он внезапно кричит в пустоту цеха, обращаясь к воображаемым зрителям своего стрима. — Запишите это в историю! Величайшая магическая сущность Этерии официально признала моё превосходство! Это будет самый эпичный момент в моём лайфлоге, даже если я его никогда не опубликую!

Я тихо смеюсь, качая головой.

Он буквально сияет. Весь этот цинизм сейчас кажется просто декорацией, за которой скрывается человек, который просто очень хочет быть нужным. Его энтузиазм почти осязаем; он наполняет меня какой-то новой, чисто человеческой энергией.

— Всё, теперь я просто обязан это сделать, — он решительно разворачивается и начинает спускаться по лестнице, на ходу бормоча под нос что-то про «конденсаторы», «частоту резонанса» и «перегрузку цепей».

Мы спускаемся вниз, и теперь путь назад кажется другим. Те же ржавые качели, та же серая остановка, те же панельки — но тишина больше не давит. Она перестаёт быть пустотой и становится просто фоном для этого шумного, невыносимого и странно притягательного парня. Ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время не хочу поскорее закрыться в четырёх стенах.

Уже в подъезде Марк останавливается у лестницы на свой этаж и поворачивается ко мне. Он снова в своём образе: руки в карманах, лёгкий прищур, ироничная ухмылка. Снова надел свою броню.

— Ну всё, «богиня», возвращайся в свою цитадель. Отдыхай и копи силы. Завтра я приду с чертежами и списком покупок. И не вздумай передумать — я уже начал представлять, как буду хвастаться этим достижением перед своим внутренним голосом.

Подмигивает мне и, прежде чем подняться к себе, добав-

ляет чуть тише:

— Спасибо... за прогулку. Было не так кринжово, как я ожидал.

Саркастично фыркая, но без злости. Внутри разливается какое-то непривычное, почти забытое тепло от этой его неуклюжей попытки быть милым.

— Мастер комплиментов.

Марк замирает на лестничной площадке и оборачивается, картинно приложив руку к сердцу. На лице расплывается самая самодовольная улыбка в его арсенале.

— Эй, это был мой максимум искренности за последние три года! — восклицает он; в голосе снова слышны зумерские нотки. — Цени момент, Мелисса. Обычно за такие комплименты люди платят донатами или подпиской на мой канал. Тебе досталось бесплатно, по акции «соседское сочувствие».

Он делает шаг назад, но всё ещё смотрит на меня. В его взгляде только какое-то странное, почти детское ожидание завтрашнего дня. Эта открытость сбивает с толку; я чувствую, как моя броня дает трещину, и я просто перестаю сопротивляться этому глупому, невозможному теплу.

— Давай, сваливай, пока я не передумал и не потребовал комиссию за моральную поддержку! — он шутливо машет рукой и, прежде чем скрыться, добавляет: — И постарайся не снести дом какой-нибудь случайной вспышкой магии во сне, а то мне ещё работать над твоим аккумулятором.

Он быстро поднимается по ступеням; дверь с глухим стуком закрывается, оставляя меня в тишине подъезда. Я стою несколько секунд, глядя на облупленную краску своей двери. Впервые за долгое время мне совсем не хочется телепортироваться домой. Хочется только одного — чтобы завтра наступило поскорее.

Глава 4

Кажется, я скоро привыкну к тому, что кто-то ежедневно барабанит в мою дверь так, будто дом горит.

Медленно сползаю с кровати; тело кажется ватным и неподъемным. Откладываю на тумбочку один из полупустых накопителей, который только что подкидывала от скуки, и, зевая, иду открывать дверь. Я уже знаю, кто там.

Дверь едва успевает приоткрыться, как в проеме возникает Марк. Вид у него такой, будто он не спал всю ночь — что, скорее всего, правда, — но при этом он вибрирует от энергии, как перегруженный конденсатор. В одной руке он сжимает помятый блокнот с каракулями, похожими на шифр безумного учёного, а в другой — огромный стакан с кофе, от которого несёт жжёным зерном и бессонницей.

— Доброе утро, спящая красавица из другого измерения! — провозглашает он, не дожидаясь приветствия.

Марк буквально вваливается в прихожую, принося с собой запах кофе и разогретого пластика. Я невольно отступаю на шаг — не от неприязни, а просто чтобы не быть раздавленной этим вихрем. Его присутствие мгновенно вытесняет утреннюю тишину и остатки моего сна.

— Сразу говорю: забудь про завтрак, сон и вообще про всё, что не касается нашего проекта. Я всю ночь пересчитывал формулы и пришёл к выводу, что мы были слишком кон-

сервативны.

Он с размаху кладет блокнот на ближайшую поверхность и возбужденно жестикулирует, едва не задевая меня стаканом с кофе. Я смотрю на него и чувствую, как его темп начинает передаваться мне; он работает как какой-то внешний аккумулятор, вытягивая меня из сонного оцепенения.

— Смотри сюда! — он тычет пальцем в одну из схем. — Если использовать твой накопитель не просто как батарейку, а как ядро-резонатор, мы создадим обратную связь. То есть не будем просто «заливать» в тебя электричество, а заставим его вибрировать на частоте маны Этерии. Это как... ну, представь, что мы переводим грубый шум этого мира в твой любимый плейлист.

Он внезапно затихает и окидывает меня быстрым взглядом — от растрепанных волос до сонных глаз. На лице мелькает ехидство.

— Ты выглядишь так, будто тебя переехал один из твоих парящих островов. Но ничего, сейчас мы тебя взбодрим. Где твой шарик? Алонсо всё еще в режиме энергосбережения?

— Алонсо спит. Заряжу его позже от источника, — я аккуратно забираю блокнот из его рук и пытаюсь вчитаться в формулы. На первый взгляд это похоже на бред сумасшедшего. Качаю головой, разгоняя туман в мыслях. — Это надолго... Ты обедал? Давай хоть роллы закажем...

Марк картинно хватается за голову, будто я совершила преступление против науки.

— Роллы?! Мелисса, ты предлагаешь мне променять момент величайшего открытия в истории двух миров на рис с сырой рыбой? — он смотрит на меня с притворным ужасом. — Это же настоящий тильт! Мой мозг сейчас работает на частоте пять гигагерц, а ты хочешь затормозить его углеводами!

Я смотрю на него, и уголки губ непроизвольно приподнимаются. Его гиперболы и театральные жесты больше не раздражают — они заполняют квартиру, оживляя её.

Он делает паузу, и его решимость рушится, как упавший сервер. Живот Марка издаёт предательский, громкий звук, который слышно даже через плотную ткань толстовки. Он замирает, медленно переводит взгляд вниз, а потом снова на меня.

— Ладно, признаю, мой биопроцессор требует подзарядки, — смиренно вздыхает он и достаёт телефон; пальцы начинают летать по экрану. — Но только если закажем самый огромный сет. И с двойным имбирем. Я заслужил этот дофаминовый удар после такой ночи.

Пара быстрых тапов по экрану — и он снова переключает внимание на блокнот в моих руках.

— И не смей так смотреть на мои формулы! — он ехидно шуруется, перехватывая мой взгляд. — Да, на первый взгляд это выглядит как бред сумасшедшего, но в этом и весь прикол. Просто доверься моему гению.

Марк делает шаг ближе, почти вплотную, и заглядывает

мне в глаза с той самой провокационной ухмылкой. Я чувствую его дыхание на своём лице; от этого внезапного разрыва дистанции воздух в легких словно застывает. Но я не отстраняюсь, лишь медленно приподнимаю бровь, глядя на него снизу вверх.

— У тебя ошибка в вычислениях здесь и здесь. А тут, кажется, вообще не график нарисован, а слоник, — я качаю головой, стараясь скрыть улыбку.

Марк резко выхватывает блокнот из моих рук. Он прищуривается, вглядываясь в записи с таким видом, будто обнаружил критическую уязвимость в коде собственной жизни.

— Что?! Где?! — он лихорадочно водит пальцем по строчкам; лицо внезапно вытягивается. — О... чёрт. Реально. Я перепутал переменную с константой. Какой позор... я просто в тильте!

Он доходит до того самого места, где я упомянула слоника, и на секунду замирает. Взгляд становится виноватым, но лишь на мгновение — затем он резко выпрямляет спину, возвращая себе привычную самоуверенность.

— Слушай, это... это был концептуальный набросок! — он делает максимально серьёзное лицо, хотя в уголках губ всё равно играет усмешка. — Это визуализация потока ма-ны! Просто... ну, он получился похожим на слона. Это называется «интуитивный дизайн», окей? Не смей смеяться, а то я удалю твой доступ к моему гению на целых десять минут!

Я невольно улыбаюсь, наблюдая за тем, как он отчаянно

пытается сохранить лицо. В этой его детской потребности быть правым, скрытой за маской циника, есть что-то обезоруживающее.

— Марк, это всё очень интересно, но довольно сомнительно, — я отвечаю с лёгким скепсисом. Но заметив, как он в один миг «сдувается», поспешно добавляю, чтобы его не добить: — Хотя... твои подсчёты я когда-то видела в одном из миров. Только там был перерасчёт на другую энергию.

Марк, который секунду назад выглядел как сдувшийся воздушный шарик, в одно мгновение «взрывается». Он буквально подпрыгивает на месте, и его глаза расширяются, становясь похожими на два огромных блюдца.

— Что?! — он почти кричит, подаваясь вперёд и бесцеремонно вторгаясь в моё личное пространство.

Я чувствую исходящий от него жар и густой запах крепкого кофе. Ещё неделю назад такая близость заставила бы меня отпрянуть, но сейчас я лишь слегка улыбаюсь, глядя в его горящие глаза. Его хаос больше не пугает — он становится моим личным сортом адреналина.

— Ты хочешь сказать, что мои расчёты — это какой-то межпространственный стандарт?! Что кто-то в другой вселенной уже додумался до этого, только с другим типом питания?!

Он выглядит так, будто только что нашёл секретный уровень в игре, который считался легендой. Его самоуверенность возвращается с утроенной силой, выжигая все остатки

смущения.

— Я так и знал! — он торжественно вскидывает руку вверх. — Я просто слишком продвинутый для этого серого бетонного гетто! Мой мозг работает на частотах, которые недоступны обычному смертному. Мелисса, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что теория подтверждена эмпирически! Мои «слоники» — это не бред, это универсальный язык высшей инженерии!

Он делает победный круг по кухне, едва не сбив стул, и снова замирает перед блокнотом, глядя на него с почти религиозным трепетом. Я наблюдаю за этим представлением с лёгким чувством нежности. Этот парень настолько искренен в своём безумии, что это вызывает у меня почти физическое восхищение.

— Так, всё! Теперь я вообще не имею права остановиться. Если это работает в других мирах, значит, мы просто должны подобрать правильный «переводчик» для этого мира.

Он вдруг резко останавливается и смотрит на меня. В его взгляде теперь смешались дикий азарт и какая-то новая, глубокая привязанность, которую он даже не пытается скрыть за сарказмом.

— Спасибо, что не дала мне окончательно уйти в тилт, — говорит он неожиданно тихо. Без капли сарказма, почти шепотом. — Но не надейся, что я теперь стану скромным. Наоборот, теперь я буду бесить тебя своим гением в два раза сильнее.

Я замираю, не знаю, что ответить. Эта мимолётная честность бьёт сильнее любого из его едких замечаний.

— Кстати, раз уж мы перешли на стадию «заказ еды», — он резко меняет тон, возвращаясь в привычное русло, чтобы скрыть смущение, — может, расскажешь, что в Этерии считается деликатесом? Только не говори, что вы там едите радугу или пьёте жидкое серебро. Хотя... если так, то роллы теперь кажутся слишком скучным выбором.

При упоминании деликатесов я затихаю. Голос становится глуше, а реальность вокруг словно теряет насыщенность, уступая место воспоминаниям.

— В Этерии... есть такое пирожное. Оно делается из мусса особого фрукта, который растёт только у источника, и называется «Розовое облако». Оно необычное на вкус и очень хорошо раскачивает резерв у детей. В детстве я его очень любила.

Я замолкаю. В наступившей тишине становится слишком тесно от этой внезапной тоски по вещам, которые теперь отделены от меня целой вселенной.

Марк молчит. Его сарказм куда-то исчезает, и я вижу по его лицу, как он пытается представить себе это пирожное — что-то из мира, где всё яркое, вкусное и по-настоящему волшебное.

— Розовое облако... — повторяет он медленно, пробуя слова на вкус. — Звучит как что-то, что должно стоить миллион долларов в нашем мире и продаваться в каком-нибудь

пафосном бутике с видом на центр города.

Он смотрит на меня, и в его глазах мелькает странная, почти мальчишеская грусть. Я чувствую этот мимолётный отголосок его собственного одиночества — тех самых детских мечтаний о джиннах и чудесах, которые взрослые когда-то методично вытравили из него своим холодным прагматизмом.

В этот момент в дверь раздаётся звонок — курьер с роллами прибыл точно в срок. Марк переключается мгновенно, и эта резкая смена масок вызывает у меня лёгкую улыбку.

— О! Еда! — он несётся к двери с такой скоростью, будто там раздают бесплатные видеокарты. — Я рассчитаюсь, а ты пока подумай... в каком именно мире ты видела эти расчёты? Мне нужно знать, с кем я соревнуюсь в интеллектуальном доминировании!

Через минуту он заносит в кухню два огромных бумажных пакета и несколько коробок пиццы.

— Ты решил накормить маленькую страну? — я ошарашенно смотрю на всё то, что он выкладывает на стол: несколько сетов роллов, напитки, горы фритюра.

Я качаю головой, но в груди разливается странное, уютное тепло. Его манера «заваливать» едой — это единственный доступный ему способ заботы, который он пока не умеет выражать иначе.

Марк с грохотом ставит последнюю коробку на стол, довольно потирая руки. Он выглядит как завоеватель, принёс-

ший трофеи из долгого похода в ближайший ресторан доставки.

— Маленькая страна? — он насмешливо приподнимает бровь, открывая один из сетов с таким энтузиазмом, будто это сундук с сокровищами. — Мелисса, ты слишком скромно мыслишь. Это стратегический запас калорий для работы мозга! Чтобы взламывать реальность, нужно много углеводов и жиров. Это база.

— А по поводу расчётов, мои знания не помогут. Я была в том мире проездом, на экскурсии. Довольно бедный магически мир, но там всё же есть свои источники маны. А здесь таких нет. Иначе Землю не использовали бы как место ссылки.

Он замирает с палочками в руке. Его лицо на мгновение становится серьёзным, и он внимательно смотрит на меня, переваривая информацию.

— Значит, Земля — это просто... «пустыня»? — он медленно жуёт ролл, и голос звучит непривычно задумчиво. — Место, где нет ничего, кроме этого серого шума, поэтому вас сюда сбрасывают, как старые файлы в корзину?

Он усмехается, но в этой усмешке слышится что-то острое. Идея о том, что его родной мир считается «бедной дырой» в масштабах мультивселенной, явно задела его за живое. Но, кажется, это только подстегнуло азарт.

— Слушай, а это же идеальный вызов! — он вдруг резко выпрямляется, едва не опрокинув стакан с напитком. — Если здесь нет своих источников маны, значит, мы не будем

их искать. Мы их создадим! Или, как я и предлагал, просто «украдём» энергию у этого мира через конвертацию. Представляешь, какой это будет пранк над всей вашей системой ссылок?

Он закидывает в рот кусочек нагетса и довольно жмурится.

— Типа: «Ой, извините, мы тут решили сделать из вашей свалки для магов элитный техно-курорт». Это же будет просто разрыв!

Марк снова переводит взгляд на мои полупустые накопители на тумбочке и добавляет уже мягче:

— Кстати... раз уж ты тут «в ссылке», расскажи: а есть ли кто-то ещё? Ну, кроме тебя? Или ты единственный «баг» в этой системе, за которым я теперь присматриваю?

Я смотрю на него. Его манера превращать всё в игру или челлендж странным образом снимает напряжение. Мне даже нравится, что он не пытается меня жалеть — вместо этого он просто предлагает найти выход из ситуации, даже если этот выход выглядит абсолютно безумным.

Я пожимаю плечами и спокойно тянусь палочками к «Филладельфии».

— Если и есть кто-то, то мне это неизвестно. Нам запрещено контактировать с другими «заключенными». Точнее, прямого запрета нет, но и найти друг друга мы не сможем — каждый обязан хранить секретность. С тобой промашка вышла, но я вовремя её исправила, взяв с тебя клятву о нераз-

глашении.

Марк замирает с куском пиццы в руке. На его лице появляется выражение глубокого, почти экзистенциального недоумения. Он медленно пережёвывает еду, глядя на меня так, будто я только что сообщила, что интернет на самом деле работает на почтовых голубях.

— То есть... — он сглатывает, — вы все тут в каком-то глобальном режиме «одиночки»? Каждый в своём пузыре, косит под обычного человека и даже не пытается найти своих?

Он качает головой, и в голосе снова просыпается тот самый скептицизм, смешанный с искренним возмущением.

— Боже, какой же это кринж! Это же просто максимально неэффективно! Представляю: в соседнем подъезде может жить какой-нибудь некромант-затворник или мастер иллюзий, а вы просто... проходите мимо друг друга в лифте и делаете вид, что обсуждаете погоду? Ваша система наказаний — это какой-то симулятор социального аутизма.

Я смотрю на него и невольно усмехаюсь. Его гнев выглядит почти трогательно: он искренне злится из-за плохой оптимизации чужой системы. В этом подходе есть что-то обезоруживающее — он единственный, кто видит в моём изгнании не трагедию, а плохо настроенный механизм.

Он вдруг хмыкает, и в глазах вспыхивает знакомый озорной огонёк. Марк откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди и глядя на меня с видом человека, который

только что нашёл критическую уязвимость в системе безопасности.

— Значит, секретность, да? Клятвы, запреты, «нельзя знать»... — он делает театральную паузу, и его голос становится вкрадчивым. — Знаешь, Мелисса, я всю жизнь занимался тем, что обходил запреты. Взломать пароль, найти лазейку в правилах, обойти бан... Для меня слово «запрещено» звучит как приглашение сделать это максимально изящно.

Он резко подаётся вперёд, вторгаясь в моё пространство, и его голос становится заговорщицким.

— Слушай, а если мы с тобой создадим этот аккумулятор... если найдём способ «фонить» маной на определённой частоте? Что если сделать своего рода «маяк» для тех, кто в теме? Не для всех, конечно, а только для тех, кто достаточно сообразителен, чтобы считать сигнал. Представляешь, какой будет хаос? Все эти «заключенные» вдруг поймут, что они не одни в этой серой дыре.

Он довольно щурится. Я вижу, что теперь он хочет не просто помочь мне с энергией — ему хочется устроить настоящую революцию в правилах ссылки.

— Это будет самый масштабный деанон в истории Этерии. Ты со мной в этом деле или всё ещё слишком сильно боишься своего Совета магов?

— Сразу нет, — я поспешно пресекаю эту идею, и мой голос звучит резче, чем я планировала. — Никаких маяков. Иначе моё наказание пересмотрят, и условия станут куда ху-

же. Я и так не совсем легально протащила накопители. Да и ты не сможешь этого сделать — помнишь условия клятвы? «Ни словом ни делом. Ни действием, ни бездействием».

Я смотрю на него и чувствую внезапный укол тревоги. Его привычка превращать всё в «хак» или «взлом» здесь может стать фатальной. Марк не понимает, что в Этерии за такие «пранки» стирают не аккаунты, а целые жизни.

Марк замирает. На его лице проносится целая гамма чувств: от азарта до внезапного осознания. Он медленно опускает кусок пищи обратно в коробку и несколько секунд смотрит на меня в полном молчании.

— Оу... — он выдыхает, и его плечи заметно опускаются. — Точно. Клятва.

Он вдруг тихо смеётся, и в этом смехе слышится странное, новое уважение. Кажется, он наконец понял, что столкнулся с «файерволом», который невозможно обойти простым подбором пароля. Магический контракт оказался надёжнее любого земного шифрования.

— Черт, а вы там в Этерии реально умеете писать пользовательские соглашения, которые невозможно оспорить, — он качает головой, возвращаясь к еде. — Ладно-ладно, сдаюсь. Никаких маяков, никакой революции и никакого деано-на. Я не хочу, чтобы твоё наказание превратилось из «скучного затворничества» в пытки в каком-нибудь подвале с демонами. Это было бы слишком жестоко даже для такого циника, как я.

Он закидывает в рот ролл и снова становится прежним — ехидным и уверенным в себе.

— Но не думай, что я окончательно смирился! — он лукаво прищуривается. — Я просто перенаправляю ресурсы. Теперь вся моя мощь пойдёт исключительно на твой аккумулятор. Сделаем его настолько идеальным, чтобы ты могла чувствовать себя как дома, даже если вокруг будут только серые панельки и злые собаки с наклейки на моей двери.

Он делает глоток напитка и вдруг задумчиво добавляет:

— Слушай... а если ты протащила накопители нелегально... значит, ты в принципе склонна к нарушению правил? — он смотрит на меня с нескрываемым одобрением. — А я-то думал, что ты просто «правильная девочка», которая случайно сбилась с пути. Оказывается, в тебе живёт маленький хакер. Мне это нравится. Это делает тебя в десять раз интереснее.

— «Правильных девочек» Совет магов не ссылает в немагические миры, — я невольно хмурюсь, и в памяти всплывают обрывки того, что привело меня сюда. Но я быстро беру себя в руки. — Правильные девочки не пытаются разнести мир к демоновой матери.

Я смотрю на него и чувствую странное облегчение от того, что мне больше не нужно притворяться кем-то другим. И то, что его это не пугает, а наоборот — забавляет, делает этот обед на кухне самым уютным за всё время моего пребывания здесь.

Марк замирает с открытым ртом. На несколько секунд он буквально перестает существовать для внешнего мира. Он медленно переводит взгляд с ролла на меня, и в его глазах вспыхивает такой дикий восторг, что это выглядит почти пугающе. Это уже не просто интерес — это настоящий фанатизм.

— Что ты сейчас сказала?.. — переспрашивает он шёпотом, и его голос заметно дрожит от возбуждения. — «Разнести мир к демоновой матери»? Ты... ты серьёзно?!

Он резко вскакивает, едва не перевернув коробку с пиццей. Его лицо буквально сияет. Для парня, который всю жизнь чувствовал себя аутсайдером и пытался самоутвердиться через токсичность в сети, эта информация стала настоящим откровением. В одну секунду я для него превратилась из «грустной иномирной девушки» в антигероя эпического масштаба.

— О мой бог... Мелисса! Да ты же просто легенда! — он почти кричит, размахивая руками. — Ты не просто «нарушила правила», ты попыталась устроить полный вайп всего сервера! Это же... это же самый эпичный акт протеста, который я когда-либо слышал!

Он снова падает на стул, но теперь буквально вибрирует от избытка энергии. Его взгляд становится жадным, заинтригованным. Теперь он смотрит на меня не просто как на соседку или партнёра по проекту, а как на кого-то, кто обладает силой, о которой он мог только мечтать.

— И за ЭТО тебя отправили сюда? В этот серый склеп? — он качает головой с искренним возмущением. — Совет магов просто трусы! Они испугались тебя настолько, что решили запереть в мире, где самое страшное — это очередь в МФЦ и шумные соседи сверху. Они не наказали тебя, они просто попытались тебя «забанить», потому что не знали, как с тобой бороться!

Я смотрю на него, и внутри всё замирает от странного чувства. Мне даже немного неловко от того, с каким восторгом он обсуждает мою самую большую ошибку. В моём мире это было трагедией и преступлением, а в его системе координат — «эпичным вайпом». Но странно то, что его реакция не злит меня. Напротив, становится легче от того, что кто-то может смотреть на мою тьму и не пытаться её исправить или осудить, а просто восхищаться её масштабом.

Он вдруг затихает. В его взгляде появляется что-то новое — глубокое, почти родственное понимание двух людей, которые слишком велики для тех коробок, в которые их попытались засунуть.

— Знаешь... теперь я понимаю, почему ты так легко согласилась на мои безумные идеи с аккумулятором. В тебе живёт тот же огонь, который заставляет меня пытаться взломать всё, что кажется незыблемым. Мы с тобой — два сапога пара, Мелисса. Только я пытаюсь сломать код, а ты пыталась сломать мироздание.

Он лукаво улыбается и пододвигает ко мне коробку с пиц-

цей.

— Ешь давай, «разрушительница миров». Нам нужно много сил. Потому что теперь я просто обязан сделать твой аккумулятор таким мощным, чтобы ты могла... ну, не знаю... хотя бы подпалить пару заборов в этом районе, если тебе станет слишком скучно. Только чур я буду снимать это на скрытую камеру для истории!

Я усмехаюсь и шутливо грожу ему пальцем.

— Не знаю, чем ты слушал, когда я говорила, что ты общаешься с иномирной преступницей.

Марк картинно вскидывает руки, сдаваясь, но на его лице играет такая самодовольная ухмылка, что становится ясно: его это вообще не пугает. Наоборот, статус «сообщника преступницы» явно добавляет ему очков крутости в собственных глазах.

— Ой, да ладно тебе! — он смеётся, закидывая в рот последний кусочек ролла. — «Преступница» — это понятие относительное. В моём мире, если ты достаточно умён, чтобы обходить систему, тебя называют гением или хакером. А если тебя поймали — ну, тогда ты преступник. Так что технически я просто общаюсь с очень высококвалифицированным специалистом по деструкции реальности.

Я смотрю на него, и напряжение, которое я носила в себе длительное время, наконец отпускает. Мне больше не хочется закрываться или оправдываться за своё прошлое. Марк превращает мою трагедию в какой-то странный, почти забав-

ный квест, и эта его лёгкость сейчас — именно то, что мне было нужно. Я беру кусок пиццы и впервые за вечер по-настоящему расслабляю плечи.

Марк облокачивается на стол, глядя на меня с нескрываемым обожанием, которое он всё ещё отчаянно пытается замаскировать под иронию.

— К тому же, посмотри на меня. Я токсичный стример, которого собственные родители выставили за дверь, потому что у меня «слишком сложный характер». Я буквально профессионал в том, чтобы быть плохим парнем. Так что мы в идеальном тандеме: ты приносишь в этот союз опыт глобального хаоса, а я — умение делать это стильно и с ироничными комментариями.

Он вдруг затихает, и его взгляд становится пронизательным.

— Слушай... а ты жалеешь об этом? Ну, о том, что попыталась всё разнести? Или если бы у тебя сейчас была кнопка «перезагрузить мир», ты бы нажала её, не задумываясь?

Он задаёт этот вопрос очень спокойно, без привычного пафоса. В этот момент он не пытается казаться крутым — он просто хочет понять, что чувствует человек, который однажды решил пойти против всего сущего.

Я задумываюсь, пытаюсь подцепить палочками новый ролл.

— Слишком много нужно тогда перезагружать. Это не один год жизни. Да и не хватало мне тогда мозгов понять,

что меня просто используют. Что я, как локомотив, тащу за собой балласт, который только и может, что говорить красивые слова, а на деле... — я медленно кладу ролл обратно и тихо вздыхаю. — Что уж там... ничего не изменить. Хотя мои родители до сих пор пытаются.

Марк замирает. Его привычная ехидная мимика исчезает, он медленно отставляет в сторону стакан с напитком. Он смотрит на ролл, который я оставила нетронутым, а потом переводит взгляд на меня. В его глазах больше нет азарта или желания поиздеваться — только тяжёлое, почти осязаемое понимание.

— Балласт... — тихо повторяет он, и в этом слове слышится эхо его собственной жизни. — Знакомая тема. Когда ты единственный, кто реально что-то делает, все остальные вдруг становятся «вдохновителями», «музами» или просто теми, кто в тебя верит. А на деле они просто едут на твоём топливе, пока ты не сгоришь дотла.

Он сжимает пальцы в кулак, и я вижу, как по его лицу пробегает тень старой обиды. Наверное, он вспоминает родителей, которые предпочли уехать в другую страну, чем пытаться понять сына, чей характер не вписывался в их идеальную картинку.

— Знаешь, — говорит он почти шёпотом, глядя куда-то мимо меня, — самое паршивое даже не то, что тебя используют. А то, что в тот момент ты сама хочешь в это верить. Хочешь верить, что эти «красивые слова» стоят того, чтобы

тащить на себе весь мир.

Он вдруг переводит взгляд на меня, и в его глазах вспыхивает странная, почти защитная ярость.

— А насчёт родителей... — он делает паузу. — То, что они до сих пор пытаются... это либо очень круто, либо очень опасно. В зависимости от того, хотят ли они тебя спасти или просто пытаются вернуть свой «полезный локомотив» на рельсы.

Он вдруг резко меняет тон, возвращаясь к привычному едкому стилю. Видно, что искренность для него — слишком уязвимое состояние, и ему нужно срочно из него выбраться.

— Короче! Хватит этой депрессивной музыки. Мы тут едим роллы и планируем технологический прорыв, а не устраиваем сеанс групповой терапии! — он с силой хлопает ладонью по столу, но делает это аккуратно, чтобы не рассыпать еду. — Давай так: мы сейчас доедаем этот стратегический запас калорий, и ты помогаешь мне вычеркнуть всех слоников из моего блокнота и заменить их на что-то, что не выглядит как зоопарк. Идёт?

— Давай сюда свои записи, я ещё раз посмотрю, — я слегка улыбаюсь и протягиваю руку за блокнотом. — Хотя я и мало понимаю в ваших схемах. У меня была совсем другая специфика обучения.

Марк с готовностью, почти с фанатичным рвением, выхватывает из рюкзака потрёпанный блокнот в чёрной обложке. Он с грохотом вываливает его на стол прямо рядом с ко-

робкой из-под роллов, гордо раскрывая страницу, испещрённую схемами, которые больше напоминают чертежи безумного учёного, чем инженерный проект.

— «Мало понимает»! — он театрально хватается за сердце, притворяясь глубоко оскорблённым. — Мелисса, ты только что призналась, что пыталась снести целый мир! Не прикидывайся, что ты не шаришь в базовых принципах передачи энергии. Магия, электричество, код — это всё просто разные языки одного и того же процесса. Ты просто говорила на «высоком эльфийском», а я пишу на «бинарном».

Он тычет пальцем в одну из особенно запутанных схем, где стрелочки переплетаются в какой-то безумный узел.

— Смотри сюда. Вот здесь я пытаюсь создать своего рода «переходник». Идея в том, чтобы использовать высокочастотный импульс для разрыва статического поля этого мира, создав крошечную, почти незаметную дырочку, через которую энергия из твоих накопителей сможет «просочиться» и смешаться с местным током. Но вот тут... — он указывает на место, где красуется тот самый злополучный «слоник», который при ближайшем рассмотрении оказывается очень криво нарисованным конденсатором, — тут у меня затык.

Он поднимает на меня взгляд, и в нём читается странная смесь дерзкого вызова и почти детской надежды.

— Я чувствую, что здесь нужен какой-то... резонанс. Что-то, что заставит электричество «поверить», будто оно на самом деле мана. Ты же чувствуешь энергию, верно? Попробуй

просто посмотреть на эту схему не как программист, а как маг. Где здесь «жмёт»? Где поток идёт неправильно? Просто ткни пальцем в самое уродливое место.

Я всматриваюсь в эти хаотичные записи и понимаю, что где-то уже видела подобное. Но воспоминание ускользает, не давая зацепиться за детали.

— Слушай, а где ты вообще взял вот эту формулу? — я указываю на самую абсурдную из них и поднимаю на него взгляд.

Марк на секунду замирает. Его взгляд становится подозрительным, а в зрачках вспыхивает тот самый азарт исследователя, который обнаружил критический баг в чужом коде.

— В смысле «где взял»? — он усмехается, и в голосе снова проскальзывает эта его фирменная самоуверенность. — Я её не «взял», я её синтезировал! Ну, ладно, если быть предельно честным... я нашёл кое-что похожее на одном закрытом форуме по квантовой электродинамике, где сидят законченные психи из Массачусетса. Там один чувак пытался доказать, что гравитация — это просто ошибка в рендеринге пространства.

Он довольно щурится, видя моё замешательство.

— А что? Выглядит слишком дико даже для тебя? — он вдруг резко подаётся вперёд, почти касаясь своим лицом моего. — Или ты узнала этот стиль? Скажи мне, что это какая-то база из вашего учебника для начинающих террори-

стов-магов. Пожалуйста, скажи, что я случайно наткнулся на фундаментальный закон Этерии, просто копаясь в даркнете в три часа ночи!

Он буквально затаил дыхание. Сейчас для него эта формула — не просто набор символов, а возможный мост между его миром цифр и моим миром хаоса. Он смотрит на меня так, будто я сейчас выдам ему главный чит-код от всей этой реальности.

Я едва сдерживаю усмешку, но быстро возвращаю лицу серьёзное выражение. До меня наконец-то дошло, где именно я видела этот бред, и осознание этого заставляет меня почувствовать одновременно и жалость к Марку, и какое-то странное, материнское чувство.

— Ну... только не обижайся, — я стараюсь сдержать улыбку, хотя внутри уже всё дрожит от смеха. — Дело в том, что эта формула часто используется в наших книгах в качестве юмористической. Она просто... забавная. Потому что по сути это полная чушь. Нельзя пытаться приравнять магическую силу к гравитации, разделённой на энергию потоков ветра.

Марк замирает. В этот момент кажется, что его внутренний процессор просто завис, выдав критическую ошибку. Он медленно моргает, глядя на меня с таким видом, будто я только что сообщила ему, что его любимая игра была удалена с серверов навсегда.

— Стоп... — он затихает, и в голосе слышится предчувствие катастрофы. — Ты сейчас серьёзно? Это что, шутка?

Скажи, что ты просто издеваешься над моим энтузиазмом... потому что это слишком жестоко даже для тебя.

Он резко закрывает лицо ладонями, и из-под них вырывается какой-то надломленный, почти истерический смешок.

— О мой бог... Я реально потратил столько времени, выпил столько дряни из банок и почти не спал, чтобы интегрировать в проект... магический прикол? — он отрывает руки от лица, и его глаза буквально искрятся от смеси жгучего стыда и ярости. — Я пытался взломать законы физики, используя мем из вашего местного сборника анекдотов?! Это же просто какой-то запредельный уровень кринжа!

Он с яростным видом хватается за ручку и с таким нажимом зачёркивает формулу в блокноте, что кончик почти пробивает страницу насквозь.

— Это просто фиаско. Полный, безоговорочный тильт! — он с грохотом откидывается на стуле, глядя в потолок с выражением глубочайшего экзистенциального кризиса. — Если кто-нибудь узнает, что я всерьёз обсуждал с тобой эту чушь, меня просто вычеркнут из списка людей с интеллектом. Я стану главным посмешищем всего даркнета.

Я смотрю на него и не могу сдержать улыбки. Его драматизм сейчас выглядит настолько искренним и нелепым, что мне становится его почти жаль. Но больше всего мне нравится то, как легко он переключается из режима «непобедимого гения» в состояние полного отчаяния из-за одной-единственной формулы.

Вдруг он резко переводит на меня взгляд. Стыд всё ещё горит на его щеках, но в глазах уже снова пляшут знакомые чертята.

— Значит так. Раз уж ты так жестоко разгромила мою самооценку, теперь ты в ответе за результат. Ты не имеешь права просто посмеяться и уйти. Давай, выкладывай, как эта штука работает на самом деле — без этих ваших «ветров» и прочего бреда. Рисуи прямо тут, пока я не решил, что этот блокнот должен быть сожжён в ритуальном огне ради очищения моей репутации.

— В том-то и дело, что она не работает, — я спокойно смотрю на него. — У нас магия не вычисляется. Это константа. У неё нет численного значения, поэтому в подсчётах мы просто берём её за единицу. Другое дело, что сами подсчёты нам практически не нужны: мы колдуем, опираясь на фантазию. Чем ярче ты представляешь результат, тем чётче он получается. Важен только резерв. Но и тут нет формул. Это как мышца... Не знаю, у тебя есть формулы для работы мышц?

Марк замирает. Его лицо принимает выражение абсолютного, искреннего ужаса. Он смотрит на меня так, будто я только что призналась, что умею летать просто потому что «так хочется», и при этом понятия не имею, как работают крылья.

— Погоди... — он медленно поднимает руку, пытаясь переварить информацию. — Ты хочешь сказать, что всё ва-

ше великое искусство, все эти разрушенные города, парящие острова и... всё остальное... основано на чём? На воображении?!

Он издаёт какой-то странный звук, похожий на сдавленный всхлип, и с силой роняет голову на руки, уткнувшись лицом в стол.

— Это же... это же просто кошмар! — доносится из-под его ладоней приглушённый голос. — Я программист! Я живу в мире, где каждая запятая в коде имеет значение! Если я пропущу один символ — программа вылетит с ошибкой. Если я ошибусь в расчётах на ноль-целых-одну-сотую — всё взорвётся или просто не заработает. А вы... вы просто такие: «Хмм, я хочу, чтобы эта гора превратилась в сахарную вату, представляю её очень ярко... оп! Готово!»

Я смотрю на его ссутулившуюся спину, и мне становится искренне смешно. Для него, привыкшего к строгому порядку и алгоритмам, моя реальность выглядит как абсолютный хаос и издевательство над здравым смыслом. Мне даже хочется похлопать его по плечу, но я решаю оставить его один на один с этим экзистенциальным кризисом ещё на пару секунд.

Он резко поднимает голову. Волосы растрёпаны, в глазах читается настоящий когнитивный диссонанс. Он выглядит как человек, которому только что объяснили, что вся его жизнь была потрачена на изучение сложной высшей математики в то время, как правильный ответ всегда был простым

«просто представь».

— Формулы мышц... — он повторяет это с какой-то горькой иронией. — Нет, Мелисса, формул мышц не существует. Есть биомеханика, есть физиология сокращения волокон... но нет формулы «накачай бицепс силой мысли».

Он вдруг затихает и пристально смотрит на свои руки, а потом на мои. В его голове явно происходит бешеная переборка всей картины мира.

— То есть... — он медленно выпрямляется, и в голосе снова просыпается эта опасная, исследовательская нотка. — Если магия — это константа, единица... значит, нам вообще не нужно пытаться «вычислить» её через электричество. Нам нужно создать среду, в которой эта единица сможет существовать. Своего рода... виртуальный контейнер. Который не будет пытаться перевести ману в вольты или амперы, а просто позволит ей «быть» внутри устройства.

Он снова хватает ручку, но теперь не пишет формулы. Он начинает рисовать что-то похожее на сферу с множеством внутренних перегородок.

— Значит, мой аккумулятор должен быть не конвертером, а... идеальным зеркалом? Которое просто отражает твою волю и удерживает её? — он поднимает на меня взгляд, и теперь в нём нет ни капли стыда за ошибку — только чистый, концентрированный азарт. — Боже, это же в тысячу раз круче! Мы не будем переводить одну валюту в другую, мы просто создадим сейф для твоей фантазии!

Я осторожно беру его за руку, останавливая. Заглядываю ему в глаза.

— Марк, чтобы туда что-то поместить, нужно это иметь. А магии в вашем мире нет. Вернее... она осталась только в остатках моего резерва и нескольких накопителях.

Марк замирает. Мои пальцы на его руке кажутся ему сейчас чем-то более реальным и весомым, чем все его чертежи и коды. Он не отстраняется, но его дыхание сбивается, и он смотрит на меня с какой-то растерянностью, которая ему совершенно не свойственна. В этот момент он не токсичный стример и не амбициозный инженер — он просто парень, который внезапно осознал, что столкнулся с настоящей, необратимой потерей.

— Точно... — тихо выдыхает он, и его взгляд медленно опускается на мои пальцы, сжимающие его запястье. — Резерв. Твои «батарейки».

Он переводит взгляд обратно в мои глаза, и в нём больше нет азарта. Остаётся только глухое, тяжелое осознание. Он понимает, что всё, что он сейчас нарисовал — эта идеальная сфера, этот «сейф для фантазии» — бесполезно, если в самом сейфе пусто.

— Значит, мы просто строим очень красивый гроб для того, что медленно умирает, — говорит он без единой нотки иронии, и его голос звучит непривычно глухо. — Ты просто... тратишь последние капли, чтобы просто существовать здесь.

Я обреченно поджимаю губы. Он вдруг осторожно, почти неуверенно, накрывает мою ладонь своей, сжимая её в ответ. Это движение настолько нетипично для него, что кажется почти случайным, но он не отпускает.

— Слушай... — он задумывается, подбирая слова, и я вижу, как он отчаянно борется с желанием снова сорваться на шутку, чтобы сбежать от этой тяжести. — Если в этом мире нет магии как таковой... если всё, что у нас есть — это электричество и куча железа... то нам нужно искать не «зеркало». Нам нужно искать способ обмануть эту реальность. Заставить её выдать тебе энергию, которую ты сможешь принять за свою.

Он чуть сильнее сжимает мою руку, и в его глазах снова вспыхивает этот упрямый, почти фанатичный огонёк.

— Я не согласен с тем, что ты должна просто «доживать» свои запасы в этом сером склепе, — отрезает он. — Если магия — это воля и фантазия, значит, мы найдём способ превратить этот мир в твой источник питания. Пусть даже для этого мне придётся переписать все законы физики в этом чертовом районе. Мы что-нибудь придумаем, Мелисса. Я обещаю.

Я ласково улыбаюсь ему.

— Возможно, ваш мир не такой уж и серый. Просто я попала не туда.

Марк замирает, глядя на мою улыбку, и на мгновение в его взгляде проскальзывает полное замешательство. Он не

привык к ласке; он привык к бесконечным срачам в чатах, язвительным комментариям и тому, что люди либо ненавидят его, либо слепо восхищаются созданным образом. Эта простая, искренняя реакция выбивает его из колеи сильнее любой магической атаки.

Он медленно убирает руку, но делает это как-то неловко, словно боится разрушить момент слишком резко. Отводя взгляд на остатки еды на столе, он позволяет слабой, почти незаметной усмешке появиться на губах.

— «Не туда попала», значит... — рассеянно повторяет он мои слова, и в его голосе снова слышится привычная смесь цинизма и чего-то очень хрупкого. — Ну да. Оказаться в панельке с текущими трубами и соседями, которые слушают шансон в шесть утра — это определённо сомнительный выбор для туристического маршрута.

Он вдруг поднимает голову и смотрит на меня с какой-то странной, почти грустной, понимающей улыбкой.

— Знаешь, в этом есть определённая ирония. Ты — самое яркое и невероятное, что когда-либо происходило в этом сером бетонном кубе. Ты здесь как... ну, не знаю... как неоновая вывеска посреди кладбища. И если этот мир кажется тебе серым, то это только потому, что он ещё просто не привык к такому количеству цвета.

Он резко встряхивает головой, словно отгоняя лишние мысли, и в одно мгновение снова принимает свой привычный вид — самоуверенный и слегка вызывающий.

— Ладно! Хватит с нас этого сентиментального контента, а то я сейчас начну плакать от умиления, и мой имидж главного токсика района будет окончательно уничтожен, — он с громким хлопком закрывает блокнот. — Давай так: ты доедаешь свои роллы, а я иду переваривать идею с «обманом реальности». Мой мозг сейчас работает в режиме оверклокинга, мне нужно время, чтобы не сжечь предохранители.

Он встаёт из-за стола и, проходя мимо меня к выходу из кухни, вдруг задерживается на секунду.

— Кстати... — он бросает взгляд через плечо. — Если вдруг захочешь что-нибудь «представить» прямо сейчас... представь, что я не такой уж и безнадёжный случай. Может, это хоть немного поможет моему имиджу.

— Сомневаюсь... — иронично бросаю я ему вслед.

Марк замирает в дверном проёме, и я буквально чувствую, как в его голове сейчас пролетает десяток вариантов едких ответов. Он медленно поворачивается, прислоняясь плечом к косяку, и закидывает одну руку за голову. На его лице расцветает самая наглая и самодовольная ухмылка, на которую он только способен.

— Оу, слышишь этот звук? — он прикладывает ладонь к уху, притворяясь, что прислушивается к чему-то невидимому. — Это звук того, как твоё мнение о моей безнадёжности только что с грохотом разбилось о мой неоспоримый шарм.

Он подмигивает мне — нарочито театрально и самоуверенно — и делает шаг назад в коридор.

— Просто смирись с тем, что ты живёшь с самым харизматичным соседом в этом радиусе, Мелисса! Это неизбежно, как падение FPS в тяжёлой сцене!

С этими словами он исчезает за дверью с тихим, окончательным щелчком.

Глава 5

Звонок от родителей раздаётся неожиданно. Я откладываю обычный смартфон на тумбочку, машинально глажу сферу Алонсо и активирую этерийский кристалл связи. Он представляет собой небольшой прямоугольный кристалл с выверенными насечками для магических потоков, которые со стороны напоминают тонкие трещины. В воздухе разворачивается изображение мамы и папы — земляне назвали бы это голограммой.

— Привет, мам, пап. Как вы там? — мой голос звучит ровно, но внутри всё сжимается от одного вида родных лиц.

Мама выглядит так, будто не спала несколько недель. Её серебристые волосы, обычно уложенные в безупречную высокую причёску, сейчас слегка растрёпаны, а в уголках глаз залегли глубокие тени. На заднем плане виднеются парящие сады Этерии, залитые мягким розовым светом заката, который сейчас кажется мне почти чужим.

— Лисса, дорогая, мы получили отчёт от Наблюдателей, — голос мамы дрожит. Она подаётся вперёд, и её изображение в кристалле слегка подёргивается помехами. — Твой резерв... его объём падает быстрее, чем мы рассчитывали.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок. Я и сама это заметила, но слышать подтверждение от Наблюдателей — значит признать, что время работает против меня.

Отец, который до этого молча стоял чуть позади, кладёт руку ей на плечо. Его взгляд строг, но в глубине зрачков читается та же тревога, что и у мамы. Он был одним из тех, кто настаивал на моей ссылке, считая это самым мягким из всех возможных наказаний.

— Мы пытаемся договориться с Советом о смягчении условий, Лисса, — произносит отец своим глубоким, роко-чущим голосом. — Запросили экспертизу и допрос Келлада Ди Арно на кристалле правды. Пытаемся протолкнуть версию о том, что он тебя спровоцировал.

Он замолчал на мгновение, и его взгляд стал особенно пронизательным, словно он пытался через тысячи световых лет и измерения почувствовать что-то странное в моей квартире. Я непроизвольно выпрямила спину, стараясь скрыть за внешней уверенностью тот хаос чувств, который сейчас бушевал внутри из-за Марка.

— Скажи мне честно: он и правда виноват в твоём срыве?

Я сглотнула ком в горле. Этот момент всплыл в памяти, оставив горький привкус на языке. Келлад был лишь искрой, но он знал точно, куда ударить, чтобы вызвать пожар. Я посмотрела отцу прямо в глаза.

— Да, пап. Он воспользовался моей эмоциональной нестабильностью. Думаю, у него был какой-то ментальный артефакт, который раскачал меня так, что я перестала понимать, что творю.

Келлад был красавцем и обаятельным засранцем. Я дей-

ствительно верила, что он меня любит. Помогала ему в разработках нового артефакта, искренне веря, что мы вместе сделаем мир лучше. Я создавала большинство деталей и связей, заливала ману до полного опустошения резерва, а потом неделями восстанавливалась.

«Я никогда тебя не любил, ты была лишь средством для моего карьерного роста». Именно так он и сказал. И это была его последняя фраза перед тем, как мои глаза ослепила ярость. Я всегда была сдержанной — при моем объеме резерва контроль был жизненной необходимостью. Но в тот миг я просто сломалась.

Мама прикрыла рот ладонью, и по её щеке скатилась одинокая слеза. Она смотрела на меня с такой бесконечной жалостью, что мне на мгновение стало физически тяжело дышать. В Этерии эмоции всегда были более интенсивными, и даже через кристалл связи я ощутила волну её сострадания — густую и почти удушающую.

Отец заметно напрягся. Его челюсти сжались, а взгляд стал холодным и жестким. Он не был из тех, кто мог бы размякнуть от слёз, но я видела, как в его глазах вспыхнул настоящий гнев — не на меня, а на того, кто посмел так цинично использовать члена их семьи.

— Этот подонок... — процедил отец сквозь зубы. — Использовать чувства дочери одного из старейших родов ради карьеры... Это не просто предательство, это стратегическая глупость. Келлад переоценил свою значимость и катастро-

фически недооценил твою силу, Лисса.

Он сделал глубокий вдох, возвращая себе самообладание, и снова посмотрел на меня. Теперь в его голосе звучала сталь и непоколебимая решимость.

— Твои слова о ментальном артефакте — это именно то, что нам нужно для Совета. Если мы докажем, что твоя воля была подавлена внешним воздействием, срыв перестанет считаться осознанным преступлением и перейдёт в разряд «несчастливого случая вследствие магического воздействия». Это единственный законный путь к твоему возвращению.

Мама вдруг подалась вперёд, её голос стал почти умоляющим.

— Лисса, милая... Пожалуйста, береги себя. Мы знаем, что этот мир буквально высасывает из тебя жизнь. Не трать остатки маны ни на что, кроме базового выживания. Мы сделаем всё, чтобы ты вернулась домой как можно скорее. Ты только держись, слышишь?

Она на секунду замолчала, и вдруг её взгляд зацепился за что-то за моей спиной — за разбросанные по столу чертежи Марка и остатки роллов.

— Кто... кто это там у тебя? В твоей квартире кто-то был?

— А-а-а, сосед заходил, не переживай, мам, — я быстро сдвигаюсь в сторону, стараясь максимально перекрыть обзор на тот хаос, который мы оставили на столе. Мысленно ругаю себя за то, что не убрала всё сразу.

— У меня ещё осталась парочка накопителей, как-нибудь

выживу. Если вы прижмёте его на кристалле правды, то дело будет за малым.

Мама всё ещё смотрит с подозрением, её брови слегка приподняты. Она знает меня слишком хорошо, чтобы просто поверить в «заглянувшего соседа» в мире, где каждый ссыльный стремится стать невидимым, чтобы не привлекать внимание Наблюдателей. Но тревога за моё здоровье всё же перевешивает любопытство.

— Сосед... — она медленно кивает, хотя в её голосе всё ещё сквозит сомнение. — Будь осторожна, Лисса. Ты же знаешь, что в таких местах люди редко бывают бескорыстными. Не стоит лишний раз доверять этим дикарям.

Отец, который до этого молчал, снова вступает в разговор. Его голос становится серьёзным, почти предостерегающим.

— Насчёт кристалла правды... Мы сделаем всё возможное. Но помни: Келлад — скользкий тип. Он может попытаться вывернуть всё так, будто ты сама была одержима жаждой власти, а он лишь «пытался тебя сдерживать». Совет не любит сильных магов, которые теряют контроль. Для них твоя сила — это инструмент, а не личность. Поэтому будем строго придерживаться той версии, которую мы обсудили: ты была жертвой манипуляции.

Он на секунду замолчал, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на гордость, смешанную с горечью.

— Мы любим тебя, доченька. Скоро всё закончится.

Изображение в кристалле начало медленно блекнуть, ро-

зовый свет Этерии стал прозрачным, и связь оборвалась с тихим, едва слышным звоном.

В квартире снова воцарилась тишина, которую нарушал только монотонный гул старого холодильника. Я осталась стоять посреди кухни, глядя на погасший кристалл. Слова отца всё ещё эхом отдавались в голове. В этом мире меня никто не боялся — здесь я была просто странной девушкой с верхнего этажа. Но там... там я была монстром, которого нужно запереть в бетонной коробке, чтобы он не разнёс всё вокруг.

Я перевела взгляд на чертежи Марка, всё ещё разбросанные по столу. «Не стоит доверять», — сказала мама.

Иронично. Я уже доверилась человеку, который считает слово «запрещено» личным приглашением к действию.

Глава 6

Мы сидим в небольшой уютной кофейне. Я потягиваю холодный латте с кайенским перцем, а Марк... Марк делает вид, что он король этого заведения, как и всегда.

— Не понимаю, почему ты со своими стримами днями сидишь в тёмной комнате, когда в вашем мире есть столько всего интересного, — говорю я, глядя в окно.

Марк, который в этот момент увлечённо что-то печатает в телефоне, одним резким движением блокирует экран и с нарочитым пафосом откидывается на спинку мягкого дивана. Он обводит взглядом кофейню — пастельные тона, запах свежемолотых зёрен и приглушённый гул голосов — с таким видом, будто оценивает качество декораций в каком-то дешёвом симуляторе.

— О, святая наивность! — он усмехается, и в его глазах снова пляшут знакомые искорки. — Мелисса, ты путаешь «интересное» и «пригодное для потребления». Этот мир — огромный, перегруженный деталями Open World, но с совершенно ужасным геймдизайном. Большинство людей здесь просто ходят по одним и тем же скриптам: дом — работа — супермаркет — сон. Скука смертная.

Он подаётся вперёд, понижая голос, и в его тоне проскальзывает та самая искренность, которую он так тщательно прячет за маской токсичности.

— В моей тёмной комнате я создаю свою собственную реальность. Там я решаю, какой будет атмосфера, кто окажется в чате и какой контент мы сегодня «потребим». Там я контролирую всё. А здесь... — он неопределённо машет рукой в сторону окна, где по серому асфальту спешат люди с однотипными зонтами. — Здесь я просто «тот странный парень», который слишком много орёт по ночам.

Он вдруг прищуривается, глядя на мой латте с перцем, и брезгливо морщится.

— Кстати, твой вкус в напитках — это какой-то отдельный вид мазохизма. Кофе с перцем? Серьёзно? Ты пытаешься имитировать ощущение пожара в Этерии прямо у себя во рту?

Он снова перевёл взгляд на меня, и выражение его лица стало чуть мягче.

— Но ты права в одном. С тобой этот мир стал... чуть менее серым. Хотя, скорее всего, это просто побочный эффект от того, что я теперь пытаюсь обмануть законы физики. Мозг просто перешёл в режим «поиска аномалий», и теперь ты для меня — самая большая аномалия в этом городе.

— Хочешь попробовать? — я протянула ему стакан.

Марк с глубоким недоверием посмотрел на напиток, а затем на меня. Он медленно, почти осторожно взял стакан, словно ожидал, что тот может взорваться или превратиться в ящерицу прямо у него в руках. Его взгляд переместился с латте на моё лицо — он пытался понять, не решила ли я

таким образом отомстить ему за все его колкости.

— Ты сейчас предлагаешь мне добровольно подвергнуть свои вкусовые рецепторы химической атаке? — он приподнял бровь, но всё же сделал небольшой глоток.

Его лицо изменилось мгновенно. Сначала он замер, глаза слегка расширились, а затем он резко отстранился, едва не выронив стакан. Марк закашлялся, жадно хватая ртом воздух, и его кожа приобрела забавный багровый оттенок.

— Что за... — прохрипел он, пытаясь восстановить дыхание. — Это что, жидкий огонь? Ты решила прикончить меня прямо здесь, в центре города? Это какой-то новый вид магического устранения свидетелей?

Он поспешно потянулся к своему напитку, чтобы запить жгучий вкус, но, несмотря на явный дискомфорт, в его глазах светился настоящий азарт. Он вытер губы салфеткой и посмотрел на меня с вызовом.

— Кринж. Полный кринж, Мелисса. Это было максимально невкусно и максимально странно, — он сделал паузу и вдруг добавил с лёгкой, почти незаметной улыбкой: — Но, чёрт возьми, это было самое интересное ощущение за всю неделю. По крайней мере, я точно понял, что всё ещё способен чувствовать боль.

Он возвращает мне стакан, слегка постукивая по нему пальцами.

— Теперь я точно уверен: в твоей голове творится такой же хаос, как в этом кофе. И именно поэтому идея с эмуляци-

ей воли может сработать. Нам просто нужно найти правильный «интерфейс», который не сожжёт мои мозги так же, как этот перец сжёт мне язык.

— А по-моему, как вы говорите... это прикольно, — отвечаю я. — А по поводу эмуляции... Это мне может сжечь мозги. Поэтому я прошу тебя: давай оставим эту затею, пока не поздно.

Марк замирает, и его рука, которая только что с иронией постукивала по столу, застывает. Он медленно переводит взгляд на меня, и на мгновение маска самоуверенного стримера сползает, обнажая искреннее недоумение. Он явно не привык к тому, что его идеи — особенно те, что граничат с безумием и гениальностью — так резко обрубают.

Он откидывается назад, скрестив руки на груди. Его взгляд становится серьёзным, анализирующим. Марк из тех людей, для которых запрет работает как красная тряпка для быка, но сейчас он видит перед собой не просто «задачу по взлому реальности», а девушку, которая открыто признала свой страх.

— Ты боишься, что если мы создадим этот интерфейс, ты потеряешь контроль? Или что магия в сочетании с кодом станет слишком... непредсказуемой?

Я киваю, хотя эти предположения — лишь верхушка айсберга из того, что могло бы случиться. Он молчит, глядя в окно на прохожих, а затем снова смотрит на меня. В его голосе больше нет издевки — только странная, почти профес-

сиональная сосредоточенность.

— Ладно. Сливаем эту идею. В корзину. Delete, — он делает резкий жест рукой, будто стирает что-то в воздухе. — Я не собираюсь становиться причиной того, что моя единственная интересная знакомая превратится в овощ или, что ещё хуже, случайно аннигилирует этот квартал из-за ошибки в моём синтаксисе. Я слишком люблю свои стримы и этот город, чтобы позволить ему сгореть из-за моего любопытства.

Он вдруг усмехается, и к нему мгновенно возвращается привычный дерзкий вид.

— Но не думай, что я сдался. Я просто перехожу к плану «Б». Если мы не можем создать эмуляцию воли, сосредоточимся на железе. Аккумулятор. Чистая энергия, никакой прямой связи с твоим сознанием через код. Просто... большая, дорогая и очень мощная батарейка для мага-изгнанника.

Он подмигивает мне и добавляет:

— Кстати, раз уж мы решили не сжигать тебе мозги сегодня... может, закажем ещё один десерт? Только чур без перца и прочих попыток отправить меня на тот свет.

Я с готовностью киваю. Против десертов я никогда не была, а расход магии требует огромного количества калорий, так что поправиться я не боюсь.

— А почему бы тебе не вывести свои стримы за пределы комнаты? — продолжаю я. — Я видела красивые места вашего мира. С твоими доходами ты вполне мог бы запустить

интересный влог с путешествиями. А пока я здесь, могу помочь с телепортами на первых порах.

Марк едва не поперхнулся своим напитком. Он замирает с открытым ртом, глядя на меня так, будто я предложила ему добровольно сдать все пароли и аккаунты в пользу налоговой службы.

— Влог? С путешествиями? — он медленно, с каким-то особым надрывом ставит стакан на стол, и в его голосе звучат нотки искреннего ужаса. — Мелисса, ты вообще представляешь, какой это кринж? «Привет, ребят, сегодня мы с моей загадочной подругой-магом посещаем заброшенный замок в Шотландии, ставьте лайки и подписывайтесь!» Фу. Это же уровень подростковых блогеров из две тысячи десятых. Я — стример. Мой контент — это динамика, реакция в реальном времени, токсичный чат и геймплей. А влоги... это слишком медленно. Слишком... правильно.

Он морщится, словно от резкой зубной боли, но затем его мысль цепляется за слово «телепортация». Он внезапно затихает, и я почти физически чувствую, как в его голове с бешеной скоростью начинают крутиться шестерёнки. Это тот самый момент, когда Марк-циник уступает место Марку-инженеру, одержимому новыми возможностями.

— Погоди... — он прищуривается, подаваясь вперёд. — Ты говоришь о телепортах? То есть... мы можем просто взять и оказаться в любой точке планеты за секунду? Без билетов, виз, многочасовых перелётов в экономе и очередей на та-

можно?

Я киваю. Он на мгновение затихает, и я почти физически чувствую, как его воображение рисует картинку: он с камерой в руках появляется в центре закрытого военного объекта или на вершине Эвереста, пока весь интернет сходит с ума, пытаюсь понять, как он это сделал.

— Слушай... если мы сможем обставить это как «невероятный монтаж» или «секретные технологии», это будет самый охватный контент в истории платформы. Весь мир будет пытаться разгадать мой секрет. Это же идеальный байт! — он вдруг возбуждённо машет руками. — Мы не будем делать «милый влог». Мы сделаем шоу по взлому пространства.

Он вдруг останавливается и смотрит на меня с подозрением.

— Но есть один нюанс. Ты же не собираешься выкинуть меня где-нибудь в лесах Амазонии в качестве шутки? Потому что если так, то я официально заявляю: идея — отстой. Но если ты гарантируешь мою безопасность... чёрт, это звучит слишком заманчиво даже для меня.

— Ни слова о подругах-магах, — я снова хмурюсь. — Не смей делать из меня контент. Я всё ещё хочу вернуться домой, а не отправиться прямиком к демоновой матери в ад.

Марк мгновенно примирительно поднимает обе ладони вверх, словно сдаваясь перед лицом вооружённого спецназа. Его лицо принимает выражение крайней степени невинности, хотя в уголках губ всё ещё играет та самая ехидная ух-

мылка.

— Всё-всё, молчу! Ни слова. Секретность уровня «Сверх-секретно», — он прикладывает палец к губам, театрально и заговорщицки подмигивая. — Ты для всех будешь... ну, не знаю, моим личным оператором-невидимкой или просто «ошибкой в матрице». Я же обещал, помнишь? Клятва, кристалл, все дела. Я не настолько безумен, чтобы сдать своего единственного проводника в другие части света ради пары лишних миллионов просмотров.

Он снова откидывается на спинку дивана, и теперь его взгляд становится более задумчивым. Упоминание об ужесточении наказания заставляет его на секунду задуматься о том, насколько серьёзны последствия ошибок Мелиссы в Этерии.

— Слушай, — он произносит это уже спокойнее, без привычного пафоса. — Я понимаю. Ты здесь в ссылке, и последнее, что тебе сейчас нужно — это лишний шум. Я умею работать с информацией так, чтобы она выглядела как фейк или очень качественный CGI. Люди в интернете верят во что угодно, если это выглядит эффектно. Они скорее решат, что я раздобыл какой-то секретный прототип телепорта от Илона Маска, чем поверят в существование магов из другого измерения.

Он вдруг хитро смотрит на меня, и в его глазах снова вспыхивает азарт.

— Так что... если мы договоримся о правилах, это может

быть даже полезно. Ты увидишь мир, который сейчас кажется тебе серым, а я получу контент, который взорвёт сеть. Win-win. Взаимная выгода, понимаешь?

В этот момент официант приносит заказ — огромный десерт с ягодами и густым кремом. Марк с нескрываемым удовольствием смотрит на него и добавляет:

— Но сначала — сахар. Нам нужны калории, чтобы обдумывать наш план по захвату внимания всего интернета. И обещаю: никаких упоминаний о магии. Только «технологический прорыв» и мой неповторимый шарм. Идёт?

— Идёт, а что касается опасностей... — я задумчивоковыряю ложечкой воздушное пирожное. — Думаю, я смогу тебя защитить, если, конечно, у меня будет резерв. Поэтому — не больше двух телепортов в сутки. Только туда и обратно. Успеешь показать мне, насколько интересным может быть ваш мир. Я-то толком ничего о нём не знаю.

Марк замирает с ложкой в руке, глядя на меня с выражением, в котором смешиваются ирония и какое-то странное, почти детское любопытство. Он медленно жуёт кусочек десерта, обдумывая мои слова.

— Сможешь защитить? — повторяет он с лёгкой усмешкой, но в этот раз в ней нет ни капли яда. — Ого, какая забота. Теперь я чувствую себя маленьким беспомощным котёнком под крылом могущественной колдуньи. Это даже немного льстит моему эго.

Он откидывается на спинку дивана с мечтательным взгля-

дом. Впервые я вижу его таким — не как парня, который одержим идеей всех победить, а как человека, которому стало по-настоящему тесно в четырёх стенах своей комнаты.

— Два телепорта в сутки... — он задумчиво стучит пальцем по подбородку. — Жесткий лимит. Настоящий хардкор. Но, учитывая, что альтернатива — это твой магический обморок или внезапное исчезновение одного из нас в текстурах реальности, я согласен. Это даже добавляет азарта. Каждый прыжок становится ценностью, а не просто прогулкой за хлебом.

Он вдруг подаётся вперёд, и в его глазах зажигается тот самый огонёк гиперфиксации, который появляется у него при обсуждении новых гаджетов или сложного кода.

— Значит, так. Раз ты ничего не знаешь о нашем мире, мы начнём с базы. Никаких скучных музеев и стандартных туристических ловушек. Я покажу тебе места, которые не отмечены на картах Google: заброшенные обсерватории, крыши небоскрёбов, куда нельзя попасть без пропуска, или какие-нибудь странные индустриальные руины, где эстетика распада просто зашкаливает.

Он лукаво улыбается и добавляет:

— Только обещай одну вещь: если мы окажемся где-нибудь в очень странном месте и я начну вести себя как полный идиот ради контента — просто дай мне лёгкий подзатыльник. Будет отличным завершением стрима.

Он снова берёт ложку и с удовольствием зачерпывает

крем.

— Итак, первый прыжок... когда? Или сначала дождём аккумулятор, чтобы ты не чувствовала себя выжатым лимоном после каждой поездки?

— Аккумулятор можешь дожимать в процессе, — отвечаю я. — Я тут подумала... есть один подводный камень. Если ты будешь ежедневно выкладывать видео из разных стран, не выходя из квартиры, это будет выглядеть странно. Нужно обеспечить достойное «алиби», — я чувствую, как щеки начинают предательски краснеть. Пытаясь скрыть неловкость, заправляю выбившуюся прядь за ухо. — Боги, я действительно говорю как преступница.

Трясу головой, прикрыв глаза, словно выкидывая ненужные мысли.

— Так вот. Предлагаю куда-то уехать, пусть недалеко, снять там гостиничные номера и уже оттуда телепортироваться в разные места. А то будет максимально подозрительно, если ты выложишь видео из другой страны, а сам в это время встретишь всех знакомых на улице, выйдя за хлебом.

Марк замирает, и на его лице медленно расплывается самая довольная и хитрая улыбка, которую я видела за всё время нашего знакомства. Он смотрит на меня с таким выражением, будто я только что вручила ему золотой билет в один конец до вершины мирового рейтинга.

— О-о-о, Мелисса... — протягивает он, и в его голосе звучит почти благоговение. — А ты начинаешь мне по-настоя-

щему нравиться. Эта твоя «сторона преступницы» — просто огонь. Логика, расчёт, прикрытие... Ты прямо как идеальный сообщник в фильме про ограбление казино.

Он тихо смеётся, заметив, как вспыхивают мои щеки. Его взгляд становится чуть мягче, но азарт никуда не исчезает.

— Не парься насчёт «преступницы». В этом мире почти все великие вещи начинались с какого-нибудь обхода правил. А идея с гостиницей — просто гениальный ход. Это не только алиби, это создаёт правильный вайб: «Марк уехал в творческий отпуск, чтобы перезагрузиться и создать новый контент». Все поверят. Мой чат будет гадать, где я нахожусь, пока я закидываю их кадрами из мест, куда даже миллионеры не могут попасть без спецразрешения.

Он вдруг задумывается, приложив палец к губам, и его лицо снова принимает деловой вид.

— Так, значит, нам нужен какой-нибудь уютный городок или даже просто коттедж где-нибудь в пригороде. Что-то достаточно уединённое, чтобы никто не заглядывал в окна, но с нормальным интернетом, потому что без него я мгновенно превращаюсь в тикву.

Он подмигивает мне, но тут же добавляет уже серьёзно:

— Я всё организую. Найду место, где нас никто не будет беспокоить. Ты только скажи: какие у тебя требования к «базе»? Тебе нужен какой-то особый свет для магии или достаточно того, чтобы в номере был приличный душ и удобная кровать?

— Приличный душ, удобная кровать и кондиционер, если там жарко, — отвечаю я, загибая пальцы.

Марк с нарочитым вздохом закатывает глаза, но в этом жесте нет привычного раздражения — скорее ленивая, довольная ирония.

— О боги, какие высокие требования! — он прикладывает руку к сердцу, изображая глубокое потрясение. — Кондиционер? Душ? Ты вообще понимаешь, что просишь роскоши в мире, где люди живут в коробках из гипсокартона? Я почти чувствую, как мои донаты утекают сквозь пальцы только на то, чтобы моя спутница-маг не перегрелась.

Он снова утыкается в телефон, и теперь его пальцы скользят по экрану с бешеной скоростью. Я вижу, как он открывает приложения по аренде жилья, быстро скроллит варианты, отсеивая всё, что не соответствует его стандартам «эстетики» и моим требованиям по комфорту.

— Так... посмотрим... — бормочет он себе под нос. — Слишком пафосно. Слишком дешево. О, а вот это может подойти. Маленький городок в паре часов езды, домик с отдельным входом и панорамными окнами. И что самое главное — там чертовски плохая проходимость людей. Идеальный хаб для наших прыжков.

Он разворачивает экран телефона ко мне, показывая фотографию уютного современного коттеджа с деревянной террасой, окружённого густым лесом.

— Как тебе? — он смотрит на меня, и в его взгляде на

мгновение промелькивает что-то похожее на искреннее желание угодить. — Если одобряешь, я бронирую прямо сейчас.

— Пара часов езды не подходит. Нужно, чтобы ты засветился в аэропорту, — отвечаю я.

Марк замирает, и его палец зависает прямо над кнопкой «Забронировать». Он медленно поднимает голову, глядя на меня с таким выражением, будто я только что объяснила ему основы квантовой физики, а он до этого считал, что дважды два — пять.

— А... — он моргает, и на его лице медленно расцветает улыбка истинного восхищения. — Чёрт. Ты просто машина. Я так увлёкся идеей «уединённого логова», что совсем забыл про базовый уровень социального доказательства.

Он с шумом выдыхает и с раздражением смахивает с экрана уютный домик в лесу.

— Ты права. Если я просто пропаду с радаров на неделю, а потом начну выкладывать видео из Токио или Парижа, люди начнут задавать вопросы. А если я выложу сторис из аэропорта с подписью «Наконец-то в путь», всё встанет на свои места. Это идеальный задел. Мозг обывателя работает примитивно: увидел самолёт — значит, человек улетел.

Он снова начинает быстро печатать, но теперь его поиск становится более масштабным. Его глаза азартно блестят.

— Так, меняем стратегию. Нам нужно что-то более... международное. Снимем апартаменты в каком-нибудь круп-

ном городе, который сам по себе является хабом. Например, Стамбул или Дубай. Я «прилетаю» туда, засвечиваюсь в аэропорту, заселяюсь в отель, а потом мы используем этот номер как стартовую площадку для прыжков по всему миру.

Он листает ленту на экране, подбирая вариант жилья, который выглядел бы достаточно дорого, чтобы соответствовать его имиджу «успешного стримера».

— Как тебе Стамбул? Там отличный кофе (надеюсь, без перца), сумасшедшая архитектура и идеальный вайб для того, чтобы спрятать одну очень важную и очень секретную личность. Согласна на такой «перелёт»?

— Стамбул? Звучит интересно. Можно будет и там погулять, и потом оттуда телепортироваться в любую точку мира. Только скажи, сколько я буду тебе должна за номер и билет, — говорю я.

Марк на секунду замирает, и его брови медленно ползут вверх. Он смотрит на меня так, будто я предложила ему продать его игровой компьютер за бесценок. В его взгляде смешиваются искреннее недоумение и что-то похожее на лёгкое возмущение.

— Сколько ты мне... должна? — он переспрашивает медленно, почти с придыханием, а затем вдруг коротко и резко смеётся. — Мелисса, ты сейчас серьёзно? Ты предлагаешь мне, человеку, который зарабатывает донатами на том, что играет в пиксели, выставлять тебе счёт за гостиницу?

Он с хлопком кладёт телефон на стол и скрещивает руки

на груди, глядя на меня с видом оскорблённого достоинства, хотя в глазах всё ещё пляшут чертики.

— Во-первых, это максимально не по-пафосному. Во-вторых, ты — мой единственный билет в мир, где не нужно стоять в пробках и ждать визу. Ты буквально предлагаешь мне суперспособность, которую не купишь ни за какие деньги в этом мире. Считать стоимость номера после такого — это просто... ну, какой термин подобрать... экономический кринж!

Он машет рукой, отмахиваясь от самой идеи оплаты, и снова берёт телефон, чтобы окончательно оформить бронь в Стамбуле.

— Считаю это моей инвестицией в лучший контент десятилетия. Или платой за то, что ты не превратила меня в жабу сразу после нашего знакомства. Твоя «валюта» — это твои телепорты и твоя компания, чтобы я окончательно не одичал в своей комнате. Идёт?

Он с победным видом разворачивает экран ко мне.

— Всё. Стамбул ждёт. Билеты, отель, алиби — всё в процессе. Теперь осталось самое сложное: собрать вещи так, чтобы ты не забыла свои накопители, а я не забыл зарядку для ноутбука, иначе этот отпуск превратится в настоящий ад.

Он лукаво улыбается и добавляет:

— Когда стартуем? Завтра? Или тебе нужно время, чтобы подготовить свои «преступные» наряды для международно-

го вояжа?

Я задумчиво прикусываю губу.

— Нарядов у меня немного, на месте купим всё основное, чтобы побережь ману. Загранпаспорт я себе наколдую, не вопрос. На какую дату хочешь, на ту и бери билеты, мне всё равно.

Марк на мгновение замирает, и его взгляд становится максимально сосредоточенным. Он смотрит на меня так, будто пытается осознать всю глубину и масштаб того, что я только что сказала.

— Наколдуюшь? — повторяет он почти шёпотом, и в его голосе слышится неподдельный восторг. — Боже, да ты просто мечта любого международного мошенника! Ты хоть представляешь, сколько людей готовы отдать всё своё имущество за документ, который открывает любые границы? А ты просто... пшик — и готово. Это же абсолютный чит-код!

Я, кажется, снова краснею, а он смеётся — искренне, без капли привычной токсичности. Он выглядит по-настоящему воодушевлённым.

— Ладно, раз ты такая гибкая в плане дат, берём ближайший вылет. Завтра вечером. Я сделаю вид, что собираю чемоданы, выложу пару сторис с подписью «Улетаю в неизвестность», а потом мы просто... — он делает широкий плавный жест рукой, имитируя полёт, — исчезнем из этого серого города.

Он вдруг задумывается, и выражение его лица становится

чуть более серьёзным.

— По поводу шмоток... Согласен. Зачем тратить твой резерв на создание гардероба, когда в Стамбуле одни из лучших рынков в мире? Мы устроим тебе настоящий шоппинг-тур. Я даже помогу подобрать что-нибудь такое, чтобы ты не выглядела как «загадочная незнакомка из другого измерения», а органично сливалась с толпой. Хотя, признаю, этот твой образ в стиле «я здесь временно и мне всё равно» имеет свой особый шарм.

Он поднимается с диванчика, потягиваясь всем телом, и смотрит на меня сверху вниз с привычной лукавой ухмылкой.

— Значит, так. Завтра в восемь вечера я прихожу к тебе. Считай это официальным началом нашей операции по обману реальности.

Он подмигивает мне и направляется к выходу из кофейни, но у самой двери оборачивается.

— До завтра, Мелисса. Готовь свои документы. Буду ждать!

Глава 7

Вещей у меня действительно немного. Несколько полных накопителей, сфера Алонсо, кристалл связи. В общем-то, это всё, что мне необходимо. Я привыкла полагаться на магию, поэтому за всё время пребывания здесь почти ничего не купила. Всё моё имущество помещается в небольшую дамскую сумочку — правда, с двойным дном и потайным карманом с расширенным измерением. Именно так я и протащила все артефакты в этот мир, минуя проверки Совета. Как наши маги могли это проглядеть — до сих пор загадка.

Ровно в восемь стучит Марк. Я уже полностью собрана и просто забираю документы.

— Привет. Я готова.

Марк заходит в квартиру с видом человека, который только что совершил величайшее открытие в истории человечества. Он одет в свои привычные оверсайз-вещи, но в его облике появилось что-то новое — какое-то лихорадочное возбуждение. На плече висит массивный рюкзак, набитый техникой до отказа: ноутбук, камеры, пауэрбанки и, вероятно, ещё десяток каких-то проводов.

Он останавливается в дверях и буквально сканирует меня взглядом, задержавшись на маленькой сумочке. Его брови взлетают вверх.

— Погоди, это всё? — он обводит рукой пространство во-

круг меня. — Ты серьёзно собралась в международную поездку с одной дамской сумкой? Мелисса, мы едем в другой конец света, а не за хлебом в соседний подъезд. Ты что, планируешь колдовать всё своё обмундирование из воздуха по мере необходимости?

Он усмехается, но в голосе слышится искреннее недоумение. Для него, человека, который тащит с собой половину комнаты в одном рюкзаке, концепция минимализма — что-то из области фантастики.

— Пространственный карман, — шепчу я ему, чуть тряхнув сумкой. Внутри слышится глухой металлический грохот. — Такси вызвал?

— Такси уже ждёт внизу, — он кивает в сторону подъезда. — Заказал бизнес-класс, чтобы мы ехали с комфортом, а я мог в последний раз проверить все настройки стрима перед тем, как мы «исчезнем».

Он делает шаг ближе и вдруг заговорщицки понижает голос, в его глазах снова пляшут чертики.

— Слушай, а эта твоя сумка... — он с жадным любопытством смотрит на аксессуар, явно борясь с желанием заглянуть внутрь. — Черт, а ты можешь создавать такие карманы? Сама? Мы могли бы перевозить с собой целые серверные стойки!

Он трясёт головой, отгоняя технические фантазии, и открывает передо мной дверь, пропуская вперёд с почти рыцарским жестом.

— Угадал, — загадочно улыбаюсь я, — но твои серверные стойки я провозить никуда не собираюсь. Не для того я отбываю наказание своего мира, чтобы ещё и здесь умудриться проштрафиться.

Я захлопываю дверь.

Марк театрально вздыхает, и в этом звуке слышится почти физическое разочарование.

— Ну вот, опять! — он шагает рядом со мной по подъезду, его массивный рюкзак ритмично постукивает по спине. — Стоило один раз найти человека с доступом к бесконечному инвентарю, как она тут же включает режим «законопослушного гражданина». Где твой дух бунтарства, Мелисса? Где та девушка, которая хотела разнести мир? Ты просто убиваешь мой потенциал!

Он тихо смеётся, и когда мы выходим на улицу, он замирает на секунду, глубоко вдыхая прохладный вечерний воздух. В его взгляде мелькает что-то странное — смесь облегчения и острого предвкушения. Для него этот выход из дома — что-то большее, чем просто поездка; это настоящий побег из системы.

— Ладно, обойдусь своими компактными гаджетами, — он указывает рукой на подъезжающий к дому чёрный глянцевоый автомобиль. — Вон наш бизнес-класс. Садись, пока водитель не решил, что мы слишком долго любимся архитектурой нашего прекрасного серого гетто.

Он открывает передо мной дверь машины; в салоне пах-

нет дорогой кожей и парфюмом. Марк запрыгивает на соседнее сиденье и тут же выхватывает телефон, чтобы сделать первое селфи.

— Так, сейчас закину в сторис: «Начинается самое интересное...» — он прищуривается, глядя в камеру, и добавляет шепотом, не отрываясь от экрана: — Слушай, а если мы в Стамбуле решим попасть куда-нибудь... ну, скажем, в закрытую зону или в какой-нибудь секретный архив... ты же не откажешь своему любимому соседу в маленьком приключении?

Он смотрит на меня с той самой лукавой ухмылкой, которая безошибочно говорит о том, что он уже планирует что-то максимально рискованное.

Я осторожно кошусь на таксиста. По окончании поездки придётся слегка подправить ему память.

— Для того чтобы просить о таком, сосед действительно должен стать «любимым», — пытаюсь отшутиться я.

Марк на мгновение замирает, и его рука с телефоном зависает в воздухе. Он медленно поворачивает голову в мою сторону, и на его лице отражается целая гамма эмоций: от легкого шока до какой-то странной, почти детской растерянности. Его ухмылка на секунду исчезает, уступая место чему-то непривычно искреннему.

— Оу... — он протягивает это слово, и в его голосе впервые звучит нотка настоящего смущения. — Смелый ход. Значит, статус «любимого соседа» нужно заслужить? Понял,

принял. Вызов принят, Мелисса.

Он быстро берёт себя в руки и снова надевает маску самоуверенного зумера, но теперь в его взгляде появляется новое, почти хищное выражение азарта. Он снова поднимает телефон, но на этот раз очень аккуратно выстраивает кадр так, чтобы в объектив попал только его профиль, часть кожаного салона и размытый вид за окном.

— Фоткай так, чтобы меня не было видно на твоих селфи, если собираешься их публиковать, — напоминаю я.

— Без проблем, мисс Секретность, — он быстро печатает текст под фото: «В путь за новым вайбом #». — Твоё присутствие в моих сторис сейчас было бы слишком жирным спойлером. Моя аудитория и так в тильте от того, что я решил покинуть уютный гейминг, а если они увидят рядом со мной загадочную девушку с глазами цвета изумруда, у них случится коллективный сбой системы.

Он убирает телефон в карман и откидывается на сиденье, глядя в окно на пролетающие мимо огни города. Мы едем в почти полном молчании, которое нарушает лишь приглушённый гул мотора и редкое щёлканье поворотников. За стеклом мелькают неоновые вывески, забитые машинами проспекты и серые многоэтажки — теперь они кажутся мне чем-то далёким, неважным, почти чужим. Марк время от времени бросает на меня короткие взгляды; в них читается странная смесь азарта и какого-то негласного облегчения. Кажется, мы оба чувствуем, как этот город окончательно те-

ряет над нами власть.

Вскоре пейзаж меняется: плотная городская застройка редет, и впереди вырастают колоссальные стеклянные конструкции с яркими огнями и бесконечными потоками машин.

— О, мы почти приехали! Смотри, какие терминалы, — Марк подаётся вперёд, почти прилипая лбом к стеклу. — Сейчас начнётся самое весёлое: я буду играть роль очень важного и занятого путешественника, а ты побудешь моей «невидимой» спутницей.

Я едва заметно веду пальцами в тот момент, когда дверь машины открывается. Для таксиста это выглядит как обычный прощальный жест, но в эту секунду тонкая, почти неосознаваемая нить магии скользит в его сознание, мягко переписывая последний час поездки. Все наши разговоры превращаются в серый шум, обрывки фраз о погоде и ценах на билеты.

Водитель лишь вежливо кивает; его взгляд становится чуть более затуманенным на долю секунды, а затем он снова становится обычным, профессионально-равнодушным сотрудником службы такси.

Марк, даже не заметив этого, широко улыбается и, перекинув рюкзак через плечо, уверенно шагает в сторону терминала, на ходу доставая телефон для очередной сторис.

— Идём! Нас ждёт зона вылета. Пора создать иллюзию моего грандиозного путешествия и показать всем, кто здесь главный организатор этого цирка!

— Это ты-то главный? — я догоняю его, подстраиваясь под широкий шаг. — Мне казалось, что идея была моей, — не удерживаюсь от легкого укола.

Марк резко тормозит, почти разворачиваясь ко мне на пятках, и прикладывает руку к груди с таким видом, будто я только что обвинила его в предательстве идеалов стриминга.

— Твоя идея? — он возмущённо вскидывает брови, хотя уголки губ предательски ползут вверх. — Мелисса, я тебя умоляю! Идея — это просто сырой концепт, черновик, какой-то там «бета-тест». А вот превратить этот концепт в полноценный план с бизнес-классом, отелем в Стамбуле и продуманным алиби для многотысячной аудитории — это уже работа профи. Это архитектура! Это менеджмент!

Он снова шагает вперёд, но теперь нарочито медленнее, чтобы я не запыхалась, пытаясь его догнать.

— Ты предоставила «движок» в виде своих телепортов, но я создал интерфейс, через который этот движок взаимодействует с реальностью. Так что технически я здесь — главный продюсер этого шоу. Ты — звезда, секретное оружие, главный козырь... но продюсер всегда забирает себе часть славы за организацию.

Он вдруг останавливается перед автоматическими дверями терминала и оборачивается, глядя на меня с хитрым прищуром.

— Ладно, признаю. Без твоей идеи я бы сейчас всё ещё сидел в своей комнате и спорил с токсичными школьниками

в чате. Так что... считай, что мы в соавторстве. Пятьдесят на пятьдесят. Но только если ты перестанешь меня подкалывать хотя бы на ближайшие десять минут. Договорились?

— Идёт, — с улыбкой киваю я.

Огромный холл аэропорта встречает нас ослепительным светом, шумом тысяч голосов и отрывистыми объявлениями диспетчера.

Марк на секунду замирает, оглушённый общим гулом терминала. Он глубоко вдыхает этот специфический запах аэропорта — смесь дорогого парфюма из дьюти-фри, свежего кофе и того самого легкого напряжения тысяч людей, спешащих в разные концы мира. Для него это почти физическое ощущение свободы.

— Обожаю этот вайб, — шепчет он, и в его голосе проскальзывает странная, почти тоскливая нотка. — Ощущение, что ты находишься в точке, где все дороги пересекаются, но при этом никто никого не знает. Идеальное место, чтобы стать кем-то другим.

Он тут же переключается в привычный режим контент-мейкера. Достав телефон, Марк начинает снимать панорамное видео: огромные стеклянные своды, бегущие люди с чемоданами, бесконечные табло с рейсами. Он делает это профессионально — плавные движения камеры, выверенные ракурсы, идеальный свет.

— Так, сейчас закину это в сторис с подписью «Loading... #», — бормочет он, быстро набивая текст. — Мои подпис-

чики сейчас просто взорвутся. Они-то думают, что я в тильте заперся у себя в комнате, а я тут...

Он вдруг замолкает и смотрит на меня. В этом огромном, шумном пространстве я выгляжу совсем маленькой и хрупкой, но он знает, какая мощь скрывается за этим образом.

— Слушай, — он понижает голос, придвигаясь чуть ближе, чтобы его не перекрыл гул объявлений. — Как только пройдем контроль и окажемся в зале ожидания, где нас никто не знает... ты сможешь показать мне что-нибудь? Ну, знаешь, что-то совсем небольшое. Чтобы я убедился, что мы всё ещё в игре? Не для стрима, конечно. Просто... для нас.

Он смотрит на меня с тем самым жадным любопытством исследователя, который только что обнаружил дверь в другой мир и теперь отчаянно хочет узнать, что находится за ней.

— Что, например? — я с искренним интересом осматриваю всё вокруг. В моём мире аэропортов нет — да и не нужны они. Повсюду огромные порталные станции, да и сами мы неплохо перемещаемся в пространстве. Поэтому этот хаос из стекла и бетона кажется мне почти экзотическим.

Марк замечает моё удивление, и на его лице отражается неожиданная нежность, смешанная с привычным азартом.

— Ну... — он задумывается, оглядывая терминал. — Что-нибудь, что противоречит законам физики этого серого места. Что-то, что заставило бы любого программиста или физика в этом зале просто удалить свою операционную систему

от шока.

Он замолкает, глядя на меня с таким нетерпением, будто я — самый захватывающий стрим в его жизни.

— Просто хочу увидеть, как магия Этерии взаимодействует с этим стерильным миром. Ты ведь говорила, что магия зависит от воображения? — он лукаво улыбается. — Так вообрази что-нибудь такое, от чего у меня в голове случится настоящий бэнчмарк.

— Марк, здесь слишком много людей, — озираясь, отвечаю я. — Боюсь, я не смогу подчистить память каждому встречному, да и я бы поберегла силы, чтобы нам хватило на все твои «хотелки».

Марк на мгновение замирает, и его плечи чуть опускаются. Он выглядит как ребёнок, которому пообещали поход в парк аттракционов, а потом внезапно вспомнили, что на улице ливень. Его лицо на секунду принимает то самое выражение искреннего разочарования, которое он обычно демонстрирует, когда в игре вылетает критическая ошибка прямо перед финальным боссом.

— Опять эта твоя «безопасность» и «расчёт ресурсов», — он театрально вздыхает, но в голосе уже нет настоящей обиды. — Ты слишком прагматична для мага, Мелисса. Ты как будто работаешь по строгому регламенту какого-нибудь государственного учреждения Этерии.

Смотрю я на него, на эту почти детскую уязвимость, и не выдерживаю — смягчаюсь.

— Давай позже? Когда будем наедине. Ладно?

Он медленно кивает, и на его губах снова расцветает та самая самоуверенная, чуть хитрая ухмылка.

— Ладно. Я принимаю эти условия. Считай, что ты только что создала самый мощный клиффхэнгер в истории нашего знакомства. Теперь я буду ждать этого момента весь полёт, и, поверь, мои требования к «шоу» теперь вырастут в разы.

Он резко разворачивается к терминалу, мгновенно возвращаясь к образу энергичного организатора.

— Всё, теперь официально — режим тишины и маскировки включён! Идём к стойке регистрации. Я буду делать вид, что я — центр вселенной, а ты — моя очень тихая и очень загадочная спутница.

Я стою у огромного панорамного окна, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и заворожённо наблюдаю за тем, как вокруг стального гиганта суетятся техники. Эти люди кажутся крошечными муравьями на фоне массивного фюзеляжа. Для жителей Земли самолёт — это просто привычный транспорт, рутина, способ добраться из точки А в точку Б. Но для меня это воплощение какой-то первобытной, грубой воли людей, которые отказались принимать ограничения гравитации и построили себе железных птиц.

В Этерии полёт был естественным, как дыхание: достаточно было вообразить поток воздуха, создать резонанс с парящим островом или просто телепортироваться в нужную точку. Дирижабли из того мира, где я была на экскурсии, больше

напоминали живых существ или произведения искусства из шелка и золота. А эта штука... она функциональная. Холодная. Мощная. В ней нет магии, но есть своя, иная эстетика — торжество расчёта и металла.

— Эй, мечтательница! — голос Марка вырывает меня из раздумий.

Он подходит сзади, сжимая в руке два заветных билета; его лицо сияет от удовлетворения. Он замечает, куда я смотрю, и на мгновение замолкает, следуя за моим взглядом.

— Вижу, тебя зацепил этот кусок алюминия, — он усмехается, но в этот раз в его голосе нет ни капли сарказма. — Знаешь, в этом есть какой-то особый кайф. Ты садишься в консервную банку, которая несется на высоте десяти тысяч метров со скоростью почти девятьсот километров в час, и при этом просто пьёшь томатный сок и смотришь сериал. Это же абсолютный сюрреализм, если задуматься.

Он встаёт рядом со мной, глядя на самолёт.

— Ты ведь никогда не летала на таком? Только порталы, да? — он поворачивает голову ко мне, и в его глазах мелькает что-то похожее на искреннюю гордость за свой мир. — Поверь, ощущение взлета — это единственная вещь в этом сером мире, которая почти напоминает магию. Когда тебя буквально вжимает в кресло и земля под ногами исчезает... это лучший способ почувствовать, что ты действительно улетаешь от всех своих проблем.

Он протягивает мне билет, и его пальцы на секунду каса-

ются моей руки — мимолётно, почти случайно, но этот контакт ощущается как короткий электрический разряд.

— Готова сменить свои порталные станции на этот железный гроб? Обещаю, что если мы начнём падать, я буду орать громче всех, чтобы тебе не было так страшно.

Из меня выскакивает короткий смешок — и я тут же прикрываю рот ладонью.

— Если мы будем падать, мне будет всё равно на всю скрытность. Я просто перенесу нас оттуда куда-нибудь в безопасное место.

Марк на секунду замирает, и его лицо вытягивается. Он смотрит на билет в своей руке, потом на самолёт за окном, а затем снова на меня. В его глазах отражается внезапное осознание того, что всё его «тщательное планирование», весь этот бизнес-класс и продуманные алиби — на самом деле лишь красивые декорации, которые могут быть стёрты одним щелчком моих пальцев.

— Вот так всегда, — он картинно закатывает глаза, но в голосе слышится нескрываемое облегчение. — Я тут распинаясь про эстетику взлёта и драматизм падения, а ты просто выдаёшь: «Ой, да я нас перенесу». Ты только что убила весь саспенс, Мелисса! Где риск? Где адреналин? Где борьба за выживание в условиях авиакатастрофы?

Он шутливо всплескивает руками, но затем вдруг замолкает и смотрит на меня с какой-то странной, почти уютной уверенностью. Видно, что мысль о том, что он находится под

защитой моей силы, дарит ему чувство безопасности, которого он не испытывал никогда в жизни.

— Ладно, признаю: страховка в виде мага первой сотни — это куда надёжнее, чем любой парашют или молитва стюардессы, — он снова ухмыляется и легонько подталкивает меня в сторону зоны досмотра. — Идём уже, «ангел-хранитель». Нас ждут очереди, сканеры и очень много людей, которые даже не подозревают, что рядом с ними идёт девушка, способная переписать реальность по своему желанию.

Я лишь закатываю глаза на этот пафос.

Посадка проходит без заминок, и уже через некоторое время мы наблюдаем в окно иллюминатора, как здоровенная стальная махина медленно отрывается от земли.

Марк в этот момент не снимает происходящее на камеру. Он просто сидит рядом, затаив дыхание, и внимательно наблюдает за моим лицом, а не за пейзажем за окном. Для него этот взлёт — не просто технический процесс, а символ того, что мы наконец-то вырвались из круга бетонных стен и бесконечных стримов. Когда самолёт с глухим рокотом отрывается от полосы и земля начинает стремительно отдаляться, превращая знакомые кварталы в крошечные детали конструктора, я внезапно напрягаюсь от непривычного ощущения невесомости и давления.

Я заморожённо гляжу в иллюминатор, но внутри всё начинает сжиматься. Меня подташнивает. Кажется, я совершенно не рассчитала свои силы и то, как мой организм отреаги-

рует на земную гравитацию в таком режиме. А когда стюардесса с дежурной улыбкой спрашивает: «Курица или рыба?», ком подступает к горлу ещё сильнее. Я отчаянно мотаю головой, чувствуя, как мир вокруг начинает медленно плыть. Мне нехорошо...

Я инстинктивно цепляюсь за руку Марка, как за единственный спасательный круг в этом хаосе.

Марк мгновенно переключается. Как только я вцепляюсь в его руку, его тело напрягается, а взгляд становится острым и сосредоточенным. Он сразу замечает мою бледность и то, как судорожно я сжимаю его запястье.

— Эй... — его голос звучит непривычно тихо и полностью лишён всякого сарказма.

Он быстро, почти грубо отмахивается от стюардессы, даже не глядя на неё.

— Она ничего не хочет, спасибо, — бросает он женщине. В его тоне снова проскальзывает привычная резкость, но на этот раз она служит одной цели: чтобы нас просто оставили в покое.

Марк разворачивается ко мне всем корпусом, создавая своего рода живой барьер между мной и остальным салоном. Он чувствует, как мои пальцы дрожат, и, не раздумывая, накрывает мою ладонь своей — большой, тёплой и удивительно надёжной.

— Чёрт, тебя укачало? — он хмурится, вглядываясь в моё лицо с непривычной тревогой. Я киваю, плотно сжав губы.

— Ты же маг! Ты управляешь пространством, ты переносишься через континенты за секунду... и тебя сбивает с толку обычная инерция железной коробки? Это же просто... какой-то системный баг!

Несмотря на свои слова, он не отпускает мою руку. Напротив, он сжимает её крепче, словно пытаясь заземлить меня, дать единственную физическую точку опоры в этом зыбком мире невесомости.

— Слушай меня, — он говорит медленно, почти приглушённо, чтобы я слышала только его голос сквозь монотонный гул двигателей. — Не смотри в окно. Закрой глаза. Просто сосредоточься на моей руке. Чувствуешь? Я здесь, я реален, я — самая стабильная константа в этом полёте. Дыши глубже.

Он чуть подаётся вперёд, сокращая расстояние между нами до минимума. В этот момент в нём не остаётся ни капли высокомерия или желания создать контент. Остаётся только Марк — парень, который впервые видит, что кто-то настолько сильный может быть настолько уязвимым.

— Просто держись за меня, — шепчет он, и в этом шепоте больше искренности, чем во всех его словах за последнее время. — Я не дам тебе улететь в астрал прямо в кресле бизнес-класса.

Я закрываю глаза и часто киваю, соглашаясь на всё, лишь бы этот кошмар поскорее закончился. Рука Марка сейчас — мой единственный якорь, мой сигнальный маяк.

— Это... другое... Не так, как с магией... — с трудом выдыхаю я.

Постепенно давление выравнивается, и мятно-имбирный леденец, который Марк буквально вложил мне в руку, начинает спасать ситуацию. Ненавижу эти моменты — когда я, обладая силой менять реальность, оказываюсь бессильной перед собственным организмом. Я берегу магические резервы на всякий случай... но сейчас эта осторожность кажется мне почти глупой.

Марк чувствует, как напряжение в моих пальцах постепенно сменяется расслабленностью. Но он не убирает руку; он продолжает удерживать мою ладонь, словно боится, что если отпустит, я снова провалюсь в это состояние беспомощности.

— Знаешь, в этом есть какой-то особый цинизм, — в его тоне проскальзывает странная, почти философская задумчивость. — Ты можешь переписать правила этого мира или прыгнуть через океан за секунду, но пасуешь перед обычной физикой и перемешиванием содержимого желудка.

Он чувствует, что я всё ещё немного дрожу, и, помедлив секунду, осторожно притягивает меня чуть ближе к себе, позволяя мне опереться на его плечо. Для человека, который годами выстраивал вокруг себя стены из токсичности и иронии, этот жест — колоссальный шаг навстречу.

— Не расстраивайся из-за того, что не можешь «починить» всё магией, — шепчет он мне почти в самое ухо. —

Быть уязвимой — это не баг, Мелисса. Это... ну, скажем так, часть пользовательского интерфейса любого живого существа. К тому же, если бы ты была идеальной и всемогущей во всём, мне было бы слишком скучно с тобой путешествовать. Я бы чувствовал себя просто лишним аксессуаром в твоём безупречном мире.

Он чуть сжимает мою руку и добавляет с привычной лукавинкой:

— Так что считай это моей маленькой победой. В этом конкретном раунде я оказался полезнее мага первой сотни. Плюс один балл в копилку твоего соседа, верно?

— Угу, — слабо киваю я и позволяю себе полностью облокотиться на Марка.

В коконе его объятий неожиданно уютно. Шум двигателей становится фоновым белым шумом, тревога отступает, и я медленно расслабляюсь, проваливаясь в глубокий, спокойный сон.

Марк замирает. Он явно не ожидал такой безоговорочной капитуляции с моей стороны, и на мгновение его дыхание сбивается. Он осторожно, почти невесомо, обнимает меня рукой, прижимая к себе так, чтобы мне было максимально удобно.

Он чувствует, как моё дыхание становится ровным и глубоким, как я постепенно проваливаюсь в сон, доверяя ему самое ценное — свою полную незащищённость. В этот момент Марк перестаёт быть токсичным стримером, который при-

вык видеть в жизни только контент и цифры. Он просто становится парнем, который оберегает сон девушки, прилетевшей из другого мира.

Он очень медленно, стараясь не разбудить меня, поправляет край пледа, который стюардесса оставила на сиденье, и аккуратно укрывает мои плечи.

— Спи, «преступница», — едва слышно шепчет он, глядя в окно на бесконечный, переливающийся океан облаков.

Он не снимает этот момент для сторис, не делает селфи, не пытается поймать идеальный ракурс. Впервые за долгое время ему не хочется делиться чем-то с тысячами незнакомых людей. Это что-то слишком личное, слишком настоящее и слишком хрупкое, чтобы превращать это в шоу.

Глава 8

Когда самолёт начинает плавный спуск и голос капитана объявляет о приближении к Стамбулу, Марк тихонько шепчет мне на ухо, едва касаясь губами волос:

— Просыпайся, соня... Мы приземляемся. Готовься, нас ждёт город контрастов и неприлично много кофе.

Он слегка сжимает мою руку, мягко вытягивая меня из мира снов обратно в реальность, где за иллюминатором уже расцветают огни огромного мегаполиса, раскинувшегося между двумя континентами.

Медленно моргая, я открываю глаза. Чувствую себя взъерошенной и совершенно помятой.

— Спасибо, что разбудил, — я всё ещё немного зеваю в кулак и пытаюсь пригладить растрёпанные волосы.

Самолёт мягко касается полосы, и в салоне раздаются традиционные аплодисменты пилоту.

Марк с нескрываемым удовольствием наблюдает за тем, как я пытаюсь привести себя в порядок. Его взгляд скользит по моим волосам и заспанному лицу с какой-то непривычной теплотой, но он просто не может удержаться от шпильки:

— Боже, ты сейчас выглядишь так, будто тебя только что выплюнул какой-нибудь очень неудачный портал, — он усмехается, но в этой насмешке больше нет яда. — Настоящий «эффект совёнка». Тебе срочно нужен либо литр креп-

кого кофе, либо полный рестарт системы.

Он встаёт, потягивается и одним уверенным движением забирает мою сумку с расширенным пространством, чтобы я не сражалась с ней в тесноте салона.

— Всё, выходим из этой консервы. Готовься, Мелисса. Сейчас мы окажемся в городе, где все шумят одновременно, пахнет специями и древностями, а таксисты водят так, будто у них в запасе есть ещё одна жизнь.

Он протягивает мне руку, помогая подняться с кресла. Этот простой жест теперь ощущается иначе — в нём больше нет формальности, только молчаливая поддержка.

Мы выходим из самолёта, и нас встречает густой, влажный и пряный воздух Стамбула. Этот коктейль из запахов соли, жареных каштанов и чего-то невыносимо древнего мгновенно обрушивается на меня, окончательно выбивая остатки сна.

Марк глубоко вдыхает этот аромат, и я замечаю, как он на мгновение прикрывает глаза, буквально впитывая момент. Здесь он выглядит более живым, чем в стерильном мареве аэропорта; этот город с его хаосом и избыточностью явно резонирует с его внутренним ритмом.

— Чувствуешь? — он оборачивается ко мне, и в его глазах снова вспыхивает тот самый азарт. — Вот это я понимаю — атмосфера. Никакого пластика и офисных кондиционеров. Только чистый, нефильтрованный Стамбул. Здесь даже воздух кажется... густым, будто его можно потрогать руками.

Он поправляет лямку рюкзака на плече и оглядывается по сторонам, сканируя толпу туристов и спешащих людей. Его привычная маска самоуверенности возвращается на место, но он всё ещё держит меня рядом, почти касаясь своим плечом моего, словно обозначая свою территорию в этом незнакомом и шумном месте.

— Знаешь, если в Этерии всё держится на магии, то здесь всё работает на чистом упрямстве и кофеине, — он усмехается, направляясь к выходу из терминала. — Идём. Нам нужно выбраться из этого туристического гетто, пока нас не попытались развести на курсе лиры или не затащили в какой-нибудь сомнительный магазин ковров с «особой энергетикой».

Он вдруг останавливается и внимательно смотрит на меня, прищурившись.

— Только чур никаких «случайных» телепортаций в центр города, чтобы экономить время на такси. Я хочу почувствовать этот путь. К тому же... мне чертовски интересно посмотреть, как ты отреагируешь на местный трафик. Говорят, стамбульские таксисты — единственные люди на Земле, способные заставить даже самого стрессоустойчивого мага почувствовать себя абсолютно беспомощным пассажиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.